НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 2

Пров. 50

НОЯБРЬ

1895.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 42).

19438
1922.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 2

НОЯБРЬ

1895.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895 г.—Ноябрь № 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. (Главы VI—IX). *(Продолженіе).* Повѣсть П. **Засодимскаго**. . . . . 1— 56
2. Изъ записокъ Н. В. ШЕЛГУНОВА. *(Окончаніе).* . . . . . 57— 72
3. БЕЗЪ ОСОБЕННЫХЪ ПРАВЪ. *(Окончаніе).* Повѣсть. **Д. Мамина-Сибиряка** . . . . . 73— 99
4. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ. Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ. (**Н. Бельтовъ.** Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію). **В. В.** . . . . 100—135
5. БЕССИ КОСТРЕЛЬ. *(Продолженіе).* Повѣсть миссисъ **Гумфри Уордъ**. Пер. съ англійскаго. . . . . 136—157
6. УЧИТЕЛЬ. Разсказъ **В. Быстренина**. . . . . 158—170
7. ЛУИ ПАСТЁРЪ. Проф. **К. Тимирязева**. . . . . 171—201
8. ИСТОРІЯ ЧЕРНАГО СЮРТУКА. Разсказъ изъ рабочей жизни **Макса Кретцера**. (Переводъ **О. Н. Поповой**). . . . . 202—206
9. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. (Глава VII—XII). *(Продолженіе).* Романъ **Эллы Хепвортъ Диксонъ**. Пер. съ анга. **В. Мосоловой**. . . . . 41— 72

10. УЧАСТІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ ОТПРАВЛЕНІИ ПРАВОСУДІЯ. *(Окончаніе).* **В. Л. Бинштока**. . . . . 1— 28
11. ПОИСКИ СПАСАЮЩАГО ДОГМАТА. «Безъ догмата» и «Семья Поланецкихъ», романы г. **Сенкевича. М. Николаева**. . . . . 29— 56
12. ЖЕНСКІЕ КЛУБЫ ВЪ АНГЛІИ. **Л. А. Балахнина**. . . . . 57— 73

13. **НОВЫЯ КНИГИ**: Н. П. Гнѣдичъ. Китайскія тѣни, романъ. С.-Петербургъ, 1895 года.—Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Составили П. и В. Перцовы. Спб 1895 г.—П. Перцовъ. Письма о поэзіи.—Владиміръ Соловьевъ. Стихотворенія. С.-Петербургъ, 1895 г. Изданіе 2-е.—Н. Е. Гейнце. Женскій ядъ, романъ-быль изъ московско-петербургской жизни. Спб. 1896 г. Изд. 3-е. — Кровь растерзаннаго сердца. Декаденты Сергѣй Терзаевъ, Владиміръ Красновъ и Михаилъ Славянскій. Спб. 1895 Изд. Семенова Ц. 1 р.—Очерки и этюды. Каутскаго. Спб. 1895 годъ. Ц. 1 р. 50 к.—Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. И. И. Янжула. Спб. 1895 г.—Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока, пер. съ 4-го франц. изд. К. Солдатенкова. М. 1895 г. Ц. 3 р. — Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное, (Self-Culture). Соч. Джона Стюарта Блекки. Пер. съ 20 англ. изд. дополн. примѣчаніями В. Д. Вольфсонъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.—A. W. S. Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. Съ 13 рис. въ текстѣ. Переводъ съ англ. инженеръ-технолога Ф. А. Данилова. М. 1895 г. Ц. 75 к. . . . . 76—93

14. ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ. Л. О. . . . . 94—115

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Интересы дня. Первый международный кооперативный конгрессъ въ Лондонѣ.—Образованіе международнаго кооперативнаго союза.—Распространеніе потребительныхъ и производительныхъ обществъ въ Европѣ.—Примѣненіе коопераціи къ земледѣлію и аграрный кризисъ въ Англіи. — Молочныя общества въ Ирландіи. — Народныя банки и сельскохозяйственныя ассоціаціи въ Германіи и Италіи.—Земледѣльческіе синдикаты во Франціи и новая программа сельскихъ реформъ.—Аграрный вопросъ на Систеранскомъ и Бреславльскомъ конгрессахъ.—Смерть Бонги.—Его дѣятельность относительно народныхъ школъ.—Столѣтіе французскихъ академій . . . . . 116—130

II. Среди газетъ и журналовъ.—Эволюція войны.—Кейзерсвертъ и орденъ дьяконоссъ.—Даніэль Овенъ—романистъ-портной.—Новый Брюссельскій университетъ и вступительная рѣчь Реклю.—Султанъ и его горемъ. В. Т. . . . . 130—143

16. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ I. Изъ села Кривина, Новгородской губерніи. *Я. Егорова.* II. Тверь. *С. Г—на.* III. Кобелякъ (Полтавской губ.) *Александры Новицкой.* IV. Съ Сѣвернаго Кавказа. Письмо второе. *Я. Абрамова.* . . . . . 144—165

II. Земство и города. *Я. Абрамова.* . . . . . 165—176

III. Народное образованіе. *Н. Рубакина* . . . . . 176—183

IV. По поводу внутреннихъ вопросовъ. *С. К.* . . . . . 183—203

V. ОБО ВСЕМЪ. *Баранчука.* . . . . . 204—218

17. ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ Комиссіи Спб. Комитета грамотности.

18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За редактора А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ НА РУССКОЙ ПОЧВѢ.

(**Н. Бельтовъ.** Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію).

I.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, двумя нѣмецкими мыслителями пущена въ обращеніе гипотеза такъ-называемаго экономическаго матерьялизма, заключающая два основные пункта: идею постояннаго преобразованія или развитія общественныхъ отношеній и идею зависимости различныхъ проявленій общественнаго быта отъ экономическаго строя общества. Идея развитія или эволюціи составляетъ въ настоящее время одно изъ основныхъ положеній науки и примѣняется къ объясненію явленій во всѣхъ областяхъ знаній, имѣющихъ дѣло съ настоящимъ и прошедшимъ; но шестьдесятъ-семьдесятъ лѣтъ тому назадъ къ ней приходили лишь избранные умы Европы, и своимъ распространеніемъ она обязана, главнымъ образомъ, философіи и преимущественно философіи Гегеля. Въ трудахъ названнаго мыслителя съ идеей развитія познакомились (и воспріяли ее) Марксъ и Энгельсъ, и хотя въ примѣненіи къ исторіи они переработали ее совершенно самостоятельно, и, вмѣсто метафизическаго понятія абсолютной идеи, какъ конечной основы развитія, они поставили реальный фактъ экономической структуры общества, тѣмъ не менѣе, метафизическая школа, чрезъ которую они прошли въ своемъ умственномъ воспитаніи, ярко отразилась на пріемахъ ихъ аргументаціи и на ихъ терминологіи.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ. Идея развитія сдѣлалась, какъ мы сказали, основной во всѣхъ отрасляхъ знаній, относящихся къ динамикѣ изслѣдуемыхъ явленій, при чемъ не малая заслуга въ распространеніи этой идеи принадлежитъ и названнымъ мыслителямъ. Идея же историческаго матерьялизма далеко не получила

такого распространенія, тѣмъ не менѣе, въ формѣ экономическаго толкованія исторіи и отысканія экономическихъ основъ для различныхъ проявленій общественной жизни, она насчитываетъ не мало представителей, выступившихъ на этотъ путь изслѣдованія или независимо отъ Маркса, или подъ большимъ или меньшимъ его вліяніемъ. Такимъ образомъ, и систематически разработанная философія Гегеля, и соціологическая полу-догадка Маркса и Энгельса, вступивъ въ общій круговоротъ научныхъ идей, произвели свое естественное дѣйствіе, способствуя образованію философскаго и научнаго міросозерцанія отдѣльныхъ лицъ, входя въ него въ той или другой степени основными элементами, создавая извѣстные научные навыки и, такъ сказать, склонности, вліяя на методы изслѣдованія и т. п. Въ этомъ смыслѣ Гегель, Марксъ и многіе другіе мыслители могутъ быть названы учителями послѣдующихъ поколѣній, и самостоятельно мыслящіе представители послѣднихъ заимствуютъ надлежащія поученія отовсюду, при чемъ безъ производства спеціальнаго изслѣдованія вы не всегда можете рѣшить, чѣмъ извѣстный писатель обязанъ именно Марксу, Конту, Дарвину и т. д.

Но рядомъ съ указаннымъ методомъ обращенія идей мыслителя въ общее научное достояніе, въ которомъ теряются слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія, наблюдается и другой путь ихъ распространенія и развитія. Путь этотъ—образованіе школы ученыхъ, держащихся всѣхъ или нѣкоторыхъ главныхъ положеній системы мыслителя-учителя и разрабатывающихъ изслѣдуемыя явленія въ рамкахъ, очерченныхъ послѣднимъ. Наконецъ, нѣкоторыя идеи даннаго мыслителя могутъ быть восприняты группой лицъ болѣе или менѣе по сектантски, и въ этомъ случаѣ онѣ не столько служатъ для научной разработки окружающихъ явленій, сколько сами подвергаются діалектической переработкѣ, при чемъ, пытаясь согласовать исповѣдуемую систему съ данными науки и жизни, отдѣльные представители секты невольно вносятъ въ нее собственное толкованіе и начинаютъ отходить другъ отъ друга. Не очень давнимъ примѣромъ всѣхъ этихъ путей распространенія идей великаго мыслителя и способовъ ихъ вліянія на общество служила судьба философіи Огюста Конта. На ряду съ очень широкимъ вліяніемъ этой философіи на самостоятельно мыслящихъ представителей различныхъ отраслей знанія, можно было наблюдать образованіе школы ученыхъ, не выходящихъ изъ рамокъ системы своего учителя, и секты, сдѣлавшей изъ нѣкоторыхъ воззрѣній послѣдняго предметъ своего поклоненія. Другимъ примѣромъ этого рода можетъ служить судьба философіи Маркса.

Какое вліяніе оказалъ этотъ писатель на направленіе науч-

ной мысли нашего времени вообще—мы рѣшать не беремся; думаемъ, что это вліяніе немаловажно. Но не можемъ не замѣтить, что, судя по тому, что онъ сдѣлалъ для экономической науки, естественно было бы ожидать не только общаго вліянія его идей, въ видѣ воздѣйствія на научное міросозерцаніе современниковъ, но и образованія школы ученыхъ-экономистовъ. Открытіемъ прибавочной стоимости онъ далъ возможность иначе освѣтить всю совокупность экономическихъ отношеній, а своимъ изслѣдованіемъ о происхожденіи капиталистическаго строя на Западѣ показалъ образецъ научной комбинаціи, — въ примѣненіи къ изслѣдованію конкретныхъ вопросовъ,—дедуктивнаго и индуктивнаго методовъ, показалъ, какимъ образомъ должна въ этихъ случаяхъ примѣняться теорія, дабы она служила для объясненія, а не конструированія дѣйствительности. Принимая во вниманіе, что изданіемъ почти 30 лѣтъ тому назадъ перваго тома «Капитала» пересмотръ съ новой точки зрѣнія всѣхъ отдѣловъ экономической науки только-что начинался; что самый этотъ томъ не заключалъ полнаго освѣщенія трактуемыхъ въ немъ предметовъ и поставилъ рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые нужно было искать дальше; имѣя въ виду, что продолженіе начатаго изслѣдованія затянулось на цѣлыя десятилѣтія, и что Марксъ умеръ, не успѣвъ закончить своего труда, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, мы не можемъ не высказать заключеніе, что образованіе экономической школы марксистовъ, которые совокупными силами переработали бы науку сообразно внесеннымъ въ нее новымъ точкамъ зрѣнія, при естественномъ ходѣ вещей, должно бы быть необходимымъ, логически неизбѣжнымъ слѣдствіемъ обнародованія перваго тома «Капитала». Если же такого образованія не послѣдовало, то это означаетъ, что естественное взаимодѣйствіе представителей науки, обезпечивающее преемственность въ развитіи научныхъ идей, по какимъ-то причинамъ было въ данномъ случаѣ нарушено. Въ дѣйствительности имѣло мѣсто именно это послѣднее явленіе. Марксъ не создалъ научной экономической школы. Онъ имѣетъ много поклонниковъ, но у него нѣтъ учениковъ. Многіе обязаны ему своимъ пониманіемъ экономическихъ отношеній; это ихъ новое пониманіе, сознательно или нѣтъ, быть можетъ, отразилось на ихъ научныхъ работахъ; но, что касается ближайшихъ послѣдователей этого ученаго, открыто ведущихъ отъ него свою научную генеалогію, они не вышли изъ положенія школяровъ, старающихся усвоить науку своего учителя, умѣющихъ толково передать его мысли другимъ, но не возвысившихся до того, чтобы занять мѣсто его товарищей по работѣ, его научныхъ преемниковъ, продолжающихъ разработку

вопросовъ, не законченную учителемъ. У Маркса есть послѣдователи-поклонники, но нѣтъ послѣдователей-сотрудниковъ.

Указывая на этотъ фактъ и давая ему посильное объясненіе въ другомъ мѣстѣ, въ видѣ иллюстраціи сказаннаго, мы ссылались на судьбу такъ называемой «загадки Маркса», т.-е. противорѣчія закона равенства прибыли трудовой теоріи цѣнности, разъясненіе котораго находится въ послѣднемъ томѣ «Капитала». Фактъ, что за 30 лѣтъ не нашлось ученика М., способнаго дать разъясненіе этого вопроса, заставляетъ удивляться, говорили мы, «безпредѣлу поклоненія, воздаваемаго этому замѣчательному мыслителю» [1]). Говоря такимъ образомъ, мы не думали отрицать существованія попытокъ примиренія указаннаго противорѣчія, а хотѣли только сказать, что ни одна изъ этихъ попытокъ послѣдователями и противниками Маркса не была признана за разрѣшеніе загадки и не была принята за предвосхищеніе соотвѣтствующей идеи Маркса. Что же касается разрѣшенія загадки «для себя» — намъ кажется, что оно должно было дѣлаться всякимъ мыслящимъ человѣкомъ, принимающимъ ученіе о прибавочной стоимости. Оно дѣлалось, напр., проф. Исаевымъ и Чупровымъ (см. ихъ учебники политической экономіи), проф. Скворцовымъ (см. его «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство») и др., а въ Германіи въ 1889 г. Конрадомъ Шмидтомъ опубликовано цѣлое изслѣдованіе [2]), имѣющее въ виду ту же цѣль разрѣшенія вышеуказаннаго противорѣчія, иначе говоря, дальнѣйшее развитіе мѣновой теоріи цѣнности Маркса. Большая часть этихъ попытокъ, противорѣчащихъ другъ другу по направленію, сдѣлана, повторяемъ, pro domo sua; но Конрадъ Шмидтъ выступилъ въ качествѣ продолжателя Маркса. Претензія эта, однако, не только не была поддержана нѣмецкими марксистами, но и самъ Шмидтъ, въ концѣ концовъ, кажется, отказался отъ своей идеи [3]).

Но вотъ почти надняхъ появляется третій томъ «Капитала», и оказывается, что Марксово разрѣшеніе загадки по основной идеѣ—то же самое, что и К. Шмидта (а также данное нами въ 1887 г., въ статьѣ «Сѣв. Вѣстн.» о цѣнности, перепечатанной въ «Очеркахъ теоретической экономіи»). Хотя такимъ образомъ наше заявленіе о томъ, что «у Маркса не нашлось ни одного послѣдователя, настолько вникшаго въ основныя положенія его ученія, чтобы двинуть его теорію на одинъ шагъ» въ буквальномъ

---

[1]) Очерки теоретической экономіи, с. 206—9.

[2]) Die Durchnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes.

[3]) Л. Миклашевскій, Деньги, с. 249.

смыслѣ оказалось неправильнымъ, но основная мысль, въ развитіе которой высказано это положеніе, мысль объ отсутствіи экономической школы марксистовъ и о безплодіи поклоненія, воздаваемаго этому мыслителю, въ данномъ фактѣ находитъ себѣ новое подтвержденіе. Дѣйствительно, послѣдователи извѣстнаго ученаго могутъ быть проникнуты идеями своего учителя, но не обладать на столько силою мысли, чтобы самостоятельно разрѣшать вопросы; но если они не въ состояніи даже отличить высказанную новую идею своего учителя, если таковая не скрѣплена его подписью, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что исповѣдываемое ими ученіе воспринято пассивно, что оно не затронуло ихъ мысль, не было ею переработано, не вошло въ плоть и кровь ихъ міросозерцанія.

Теперь спрашивается, какъ отнеслись къ попыткѣ К. Шмидта именующіе себя послѣдователями Маркса въ Россіи; выдержали они сдѣланное ихъ пониманію идеи своего учителя испытаніе и заслужили степень марксистовъ, или они срѣзались на экзаменѣ и должны довольствоваться наименованіемъ «такъ называемыхъ...»? Такихъ именующихъ себя послѣдователями Маркса насчитывается у насъ три: гг. Бельтовъ, Скворцовъ и Струве. Первый благоразумно воздержался отъ подачи по этому вопросу своего мнѣнія, и тѣмъ отнялъ у насъ возможность документально доказать непониманіе имъ экономическихъ идей своего учителя, непониманіе, которое мы можемъ только подозрѣвать, но на которомъ не имѣемъ права настаивать. Г. Скворцовъ объявилъ свое собственное предвосхищеніе идеи Маркса, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительной идеей этого мыслителя. Что же касается г. Струве, то онъ откровенно высказалъ свое мнѣніе (конечно, до появленія третьяго тома «Капитала») о попыткахъ Шмидта и Скворцова и поэтому вмѣстѣ съ г. Скворцовымъ не можетъ избѣжать приговора относительно степени проникновенія идеями своего учителя. «Работы А. И. Скворцова,—говоритъ онъ,—могутъ служить образцомъ строго научнаго развитія нѣкоторыхъ основныхъ положеній экономической теоріи Маркса, и въ этомъ отношеніи представляютъ unicum не только въ русской, но и вообще во всей экономической литературѣ—если не считать весьма неудачной попытки К. Шмидта» [1]. Такимъ образомъ, единственный продолжатель Маркса въ Европѣ, по мнѣнію г. Струве, есть русскій ученый, г. Скворцовъ; Шмидтъ же и Фирекандъ, на которыхъ, какъ на дѣйствительныхъ продолжателей, указываетъ въ предисловіи къ третьему тому «Капитала» Энгельсъ,

[1] Критическія замѣтки, стр. 209.

россійскимъ послѣдователемъ этого мыслителя не признаются за настоящихъ марксистовъ.

Вообще третій томъ «Капитала» представляетъ большой интересъ для русскаго читателя, такъ какъ въ немъ имѣются мнѣнія Маркса по такимъ вопросамъ, которые дебатировались въ русской литературѣ, почему открывается возможность сказать, чьи экономическія воззрѣнія стоятъ ближе ко взглядамъ названнаго ученаго: народниковъ-субъективистовъ (по терминологіи г.г. Струве и Бельтова) или лицъ, именующихъ себя марксистами.

И такъ, Марксъ-экономистъ имѣетъ своихъ поклонниковъ и популяризаторовъ, но у него нѣтъ учениковъ-продолжателей; марксизмъ въ экономической наукѣ пока выражается пережевываніемъ мыслей его основателя, но не производствомъ научныхъ изслѣдованій. Приблизительно то же самое слѣдуетъ сказать и о соціологическихъ идеяхъ названнаго мыслителя. Несмотря на 50 лѣтъ ихъ всеобщаго обращенія, онѣ сохраняютъ тотъ же видъ, какой имъ приданъ самими основателями гипотезы экономическаго матеріализма. Разница въ отношеніи къ этой гипотезѣ со стороны марксистовъ, сравнительно съ ихъ отношеніемъ къ экономическимъ идеямъ Маркса, заключается лишь въ томъ, что, благодаря неразвитому ея состоянію, при ея толкованіи, они могутъ свободнѣе вкладывать въ нее тотъ смыслъ, какой имъ заблагоразсудится. По той же причинѣ неопредѣленности содержанія, ею удобно пользоваться для борьбы съ направленіями, противными субъективному настроенію даннаго лица, независимо отъ содержанія этихъ направленій. Словомъ, соціологическое ученіе Маркса оказалось очень удобнымъ для служенія партійнымъ цѣлямъ, и его главное употребленіе въ рукахъ открытыхъ марксистовъ въ Германіи имѣетъ именно этотъ характеръ. Съ такимъ же оттѣнкомъ оно явилось и въ Россіи, при чемъ, дабы сразу показать, что въ настоящемъ видѣ ученіе экономическаго матеріализма есть лишь форма, ожидающая своего содержанія, и что, за отсутствіемъ реальнаго содержанія, оно удобно можетъ вмѣстить все, что заблагоразсудитъ вложить въ нее субъективное чувство даннаго лица—разсматриваемое ученіе явилось къ намъ одновременно съ двумя различными партійными программами: одной, призывающей насъ въ объятія капитализма; другой—приглашающей бороться съ послѣднимъ путемъ развитія самосознанія производителей.

II.

Соціологическое ученіе Маркса распространяется въ Россіи черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его обнародованія. Такъ какъ

основная мысль этого ученія—идея развитія общества на экономическомъ основаніи—находится въ достаточномъ соотвѣтствіи съ общимъ научнымъ движеніемъ послѣдняго времени, и къ формулированію этой идеи приходили многіе ученые, независимо отъ Маркса, то неудивительно, если въ наукѣ накопилось много данныхъ, способныхъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ, а частью и провѣркой разсматриваемаго ученія. Естественно поэтому ожидать, что лица, ревнующія о распространеніи этого ученія и принявшія на себя его рекомендацію новому классу читателей, лица, формулирующія его чуть не въ двадцатомъ вѣкѣ, постараются дать ему ту внѣшнюю оболочку, какая соотвѣтствуетъ новѣйшему состоянію научной мысли, и наполнить его тѣмъ реальнымъ содержаніемъ, какое можно въ него вложить въ настоящее время. Словомъ, естественно ожидать, что предъ русскимъ читателемъ гипотеза экономическаго матерьялизма явится приникнутой къ общей научной идеѣ развитія, что она будетъ выражена въ современныхъ научныхъ терминахъ и поддержана, какъ поддерживаются всѣ научныя гипотезы новѣйшаго времени, болѣе или менѣе обильнымъ фактическимъ матерьяломъ и построенными на немъ обобщеніями.

Этого естественно было бы ожидать, еслибы провозвѣстниками даннаго ученія въ Россіи явились лица, настолько умственно самостоятельныя, чтобы рѣшиться снять съ него устарѣвшій костюмъ, сшитый еще въ 40-хъ г.г., по модѣ времени его рожденія, и настолько сильныя и образованныя, чтобы переработать или, по крайней мѣрѣ, систематизировать фактическій матерьялъ, сообразно требованіямъ теоріи. И наоборотъ, представленіе наканунѣ XX вѣка какой-либо научной идеи въ гегелевскомъ облаченіи, рекомендація ея не какъ теоріи *развитія* общества, которому отдаютъ свои силы сотни и тысячи изслѣдователей, а какъ ученія о *діалектикѣ* общества, извѣстной современному образованному человѣку, какъ форма понятія о жизни, присущая метафизическому представленію о природѣ и требующей какого-то спеціальнаго склада мысли и специфическаго толкованія и служенія—такая рекомендація ученія способна лишь компрометировать его. Это потому, что ею какъ бы заявляется, что, въ цѣломъ, разсматриваемое ученіе представляетъ такой слабый научный интересъ, что не находится ни одного самостоятельнаго ученаго, готоваго затратить силы на переводъ этого ученія съ мертваго языка гегелевской метафизики на живой языкъ современной науки, и потому за его проповѣдь берутся лица, съ чисто сектантской ревностью держащіяся за внѣшнія формы и способныя только перетряхивать то содержаніе уче-

нія, какое вложено въ эту форму основателями, а не перерабатывать его, соотвѣтственно быстро идущему впередъ развитію науки.

Именно въ такомъ обветшаломъ костюмѣ ученіе экономическаго матерьялизма предстало предъ русскимъ читателемъ. Лежащая въ основѣ этого ученія идея развитія есть, такъ сказать, жизненный нервъ современной науки, благодаря чему мыслящій человѣкъ не можетъ встрѣтить затрудненій ни въ недостаткѣ фактовъ, ни въ отсутствіи частныхъ обобщеній для научнаго обоснованія одной изъ варіацій этой идеи въ примѣненіи къ обществу. Къ такимъ средствамъ обоснованія, безъ сомнѣнія, обратился бы всякій послѣдователь какой-либо научной идеи. Но для человѣка, относящагося къ идеѣ, какъ предмету не изслѣдованія, а вѣры,—столь простыя средства доказательства, какъ фактъ, наблюденіе,—нѣчто относительное и допускающее разныя толкованія, нѣчто, способное обрисовать идею, лишь какъ болѣе или менѣе вѣроятную; средства, примѣненіе коихъ одновременно и обосновываетъ идею, и ее ограничиваетъ — должны казаться слишкомъ низкими и ненадежными. Такой человѣкъ будетъ стремиться къ инымъ способамъ обоснованія идеи: искать посылокъ насколько можно безусловныхъ, непререкаемыхъ, высоко витающихъ надъ частнымъ и мелкимъ; искать методовъ доказательства, избавляющихъ идею отъ необходимости сейчасъ же считаться съ фактами дѣйствительности, какъ бы застраховывающихъ ее отъ возраженій, съ которыми обязана считаться обыкновенная научная гипотеза. Если автору удастся приличнымъ образомъ обдѣлать это не совсѣмъ научно-чистое дѣльцо, то онъ пріобрѣтаетъ какъ бы право обратить недоказанную гипотезу въ обоснованную доктрину и, вмѣсто отысканія ключа къ пониманію явленій жизни, путемъ ихъ изслѣдованія,—чего требуетъ ученіе экономическаго матерьялизма въ смыслѣ Маркса и Энгельса,—пользоваться теоріей, по выраженію названныхъ ученыхъ, какъ историко-философскимъ passe-par-tout, если и не открывающимъ двери познанія, за то звонко щелкающимъ въ замкѣ, къ нимъ привѣшанномъ.

Такого типа представителемъ идеи экономическаго матерьялизма въ Россіи явился г. Бельтовъ, а за спекулятивными доказательствами истинности этой гипотезы онъ обратился ни къ кому иному, какъ къ блаженной памяти Гегелю, на которомъ воспитывались даже не отцы наши, а дѣды. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, онъ засѣлъ за изученіе трудовъ названнаго мыслителя и съ негодованіемъ и насмѣшкой обличаетъ въ невѣжествѣ тѣхъ изъ современныхъ русскихъ писа-

телей, которые, не будучи, по роду своихъ занятій, обязанными знакомиться въ подлинникѣ съ представителями отжившихъ философскихъ системъ, не слѣдуютъ примѣру г. Бельтова, и вмѣсто изученія Гегеля, работаютъ на поприщахъ мысли, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ современности. Курьезно видѣть въ наши дни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательно то поклоненіе, которое ново-обращенный гегеліанецъ воздаетъ своему учителю. «Мы предлагаемъ г. Михайловскому, —говоритъ онъ, напр., на с. 87 своего «отвѣта»,—опровергнуть слѣдующее наше положеніе: всюду, гдѣ является идея развитія — въ психологіи, физикѣ, геологіи и т. д.—она непремѣнно имѣетъ много общаго съ гегеліанствомъ, т.-е. въ каждомъ новѣйшемъ ученіи о развитіи непремѣнно повторяются нѣкоторыя общія положенія Гегеля. Говоримъ *нѣкоторыя*, а не *всѣ*, потому что многіе изъ современныхъ эволюціонистовъ, будучи лишены надлежащаго философскаго образованія (т.-е. не будучи знакомы съ Гегелемъ?), понимаютъ «эволюцію» отвлеченно, односторонне... Говоря, что современныя ученія эволюціонистовъ всегда имѣютъ очень много общаго съ гегеліанствомъ, мы не утверждаемъ, что нынѣшніе эволюціонисты заимствовали свои взгляды у Гегеля. Совсѣмъ напротивъ. Часто они имѣютъ о немъ столь же ошибочное представленіе, какое имѣетъ г. Михайловскій. И если, тѣмъ не менѣе, ихъ теоріи хотя отчасти и именно тамъ, *гдѣ они оказываются вѣрными*, являются новой иллюстраціей «гегеліанства», то это обстоятельство лишь оттѣняетъ поразительную силу мысли нѣмецкаго идеалиста: люди, никогда не читавшіе его, силой фактовъ, очевиднымъ смысломъ дѣйствительности вынуждены говорить такъ, какъ говоритъ онъ. Большаго торжества нельзя и придумать для философа: его игнорируютъ читатели, но его взгляды подтверждаетъ жизнь».

Пріятно видѣть такую откровенность со стороны матеріалиста, по долгу службы обязаннаго поддерживать мысль, что идея есть лишь снимокъ съ дѣйствительности, и обрушивающагося на своихъ противниковъ за предлагаемое у нихъ слишкомъ большое довѣріе къ критически мыслящей личности и къ творческой дѣятельности ума. Эти противники г. Бельтова своей критикой и творчествомъ,—по крайней-мѣрѣ, въ томъ, что касается мѣръ помощи современному «производителю» въ Россіи (предметъ, мало интересующаго нашего гегеліанца),—создаютъ только утопіи, т.-е. фантазіи, т.-е. идеи, не имѣющія реальнаго значенія. А вотъ философскій колпакъ Гегеля покрываетъ такой кладезь премудрости, въ которомъ сама фантазія и утопія обращаются въ реальность, которымъ предопредѣлено движеніе мысли на цѣлое столѣтіе, а, можетъ быть, и на нѣсколько вѣковъ

По общераспространенному среди образованныхъ людей мнѣнію,—къ которому въ вещахъ, не относящихся къ его «credo», присоединяется и г. Бельтовъ,—продукты спекулятивной дѣятельности ума подлежатъ верховному суду науки. По отношенію же къ творчеству Гегеля дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: несмотря на то, что «философія природы была слабой стороной нѣмецкаго идеализма» (Бельтовъ, с. 88), новѣйшія теоріи эволюціи этой природы («въ психологіи, физикѣ, геологіи и т. д.») и «именно тамъ, гдѣ онѣ оказываются вѣрными», повторяютъ Гегеля, и если не повторяютъ его цѣликомъ, то лишь потому, что ихъ творцы «понимаютъ эволюцію односторонне», а когда они узнаютъ природу лучше, то повторятъ *всѣ* общія положенія Гегеля! Теперь остается только ожидать, что г. Бельтовъ, основываясь на «общихъ положеніяхъ» открытаго имъ полу-бога, объявитъ во всеобщее вѣдѣніе тѣ модификаціи, которыя ожидаютъ идею эволюціи въ примѣненіи къ «психологіи, физикѣ, геологіи и т. д.» и похожетъ ученымъ, не имѣющимъ «надлежащаго философскаго образованія», скорѣе проникнуть въ тайны изучаемой ими природы.

Быть можетъ, читатель замѣтитъ, что обнаруженное г. Бельтовымъ возведеніе въ полу-божеское достоинство критической и творческой мысли Гегеля находится въ противорѣчіи съ общей тенденціей философской школы, къ которой принадлежитъ разсматриваемый нами авторъ, и что поэтому вышецитированныя его мысли о Гегелѣ и современной наукѣ, быть можетъ, слѣдуетъ понимать какъ-нибудь иначе. Не станемъ возражать противъ этого замѣчанія, но выскажемъ, въ свою очередь, что подобными и еще болѣе рѣзкими противорѣчіями,—какъ это отчасти будетъ видно изъ послѣдующаго,—переполнена книжка г. Бельтова, откуда слѣдуетъ заключить, что мышленіе путемъ противорѣчій есть основное свойство діалектики разсматриваемаго писателя, и что для каждой идеи въ его головѣ существуетъ особое помѣщеніе. Въ данную минуту насъ, впрочемъ, интересуетъ не эта сторона устройства головы разсматриваемаго писателя, а то обстоятельство, что въ этой головѣ отведено очень просторное помѣщеніе для философіи, питавшей нашихъ дѣдушекъ. Отчего произошло такое явленіе? Служитъ-ли оно новой иллюстраціей утвержденія г. Бельтова, что «русскій духъ зады твердитъ», или обращеніе къ мертвецамъ составляетъ индивидуальное проявленіе духа г. Бельтова? Къ сожалѣнію, болѣе вѣроятнымъ приходится признать первое: современный русскій духъ, дѣйствительно, «зады твердитъ». Вмѣстѣ съ и есмнѣнныхъ пониженіемъ нашего интеллектуальнаго уровня въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ и какъ

естественное его слѣдствіе, въ обществѣ усилились реакціонныя направленія мысли, въ видѣ отрицанія науки, оживленія мистицизма, возрожденія интереса къ метафизической философіи, и обнаружилась метафизическая, такъ сказать, повадка мысли. Что касается спеціально возрожденія авторитета метафизики, укажемъ на такія проявленія его, какъ основаніе и успѣхъ журнала, назначеннаго для разработки вопросовъ философіи и психологіи, съ преобладаніемъ метафизическаго направленія: на фактъ водворенія метафизики въ одномъ изъ общелитературныхъ журналовъ, прежде державшемся научной философіи; на приглашеніе въ редакторы философскаго отдѣла большого энциклопедическаго изданія представителя метафизической философіи, а не научной. Обращеніе къ Гегелю г. Бельтова, поэтому, будучи курьезомъ съ научной точки зрѣнія, является совершенно естественнымъ съ точки зрѣнія историческаго развитія нашей мысли и доказываетъ только одно: что реакціонное направленіе послѣдней не обошло самыя «передовыя» общественныя теченія. И даже напротивъ того, присущее метафизикѣ отвращеніе отъ фактическаго изслѣдованія явленій и ея склонность разрѣшать вопросы спекулятивнымъ путемъ представляетъ благопріятную почву для появленія *новыхъ* рѣшительныхъ отвѣтовъ на проклятые вопросы, мучащіе современниковъ.

Что Маркъ и Энгельсъ въ своихъ сочиненіяхъ носятъ ясные слѣды гегеліанства, и что Энгельсъ, напр., придаетъ преувеличенное значеніе діалектическому мышленію и роли Гегеля въ развитіи научныхъ знаній — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, принимая во вниманіе, что интеллектуально воспитывались они на Гегелѣ, и что ихъ соціологическія воззрѣнія сложились пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху процвѣтанія гегеліанизма. Слѣдуетъ имѣть также въ виду, что въ позднѣйшее время они подчасъ умышленно, когда въ этомъ и не было надобности, употребляли гегелевскую терминологію и обороты рѣчи, свойственные гегелевской философіи — «кокетничали», по выраженію Маркса, съ Гегелемъ съ цѣлью заявить о своемъ уваженіи къ памяти этого мыслителя, когда въ обществѣ начало распространяться черезчуръ непочтительное къ нему отношеніе. Но они не имѣли и помышленія о томъ, чтобы гегелевская философія или какое-либо иное чистое умозрѣніе могли служить для обоснованія выдвинутой ими гипотезы экономическаго матеріализма, и потому, приступивъ, было, въ 1845 г. къ такому обоснованію и закончивъ его въ сочиненіи, посвященномъ критикѣ послѣгегелевской философіи, они даже и не напечатали это послѣднее, находя, что единственный смыслъ,

какой можетъ имѣть подобная работа,—это—сведеніе ихъ личныхъ «счетовъ съ своей тогдашней философской совѣстью». Они прекрасно понимали, что—каково бы ни было индивидуально-психологическое происхожденіе извѣстной гипотезы,—ея научное значеніе опредѣляется не этой психологіей, а большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ съ фактами, объяснить которые она призвана. Поэтому, для обоснованія гипотезы, для обращенія ея въ теорію нѣтъ надобности воспроизводить тотъ психическій процессъ, которымъ она возникла въ головѣ даннаго человѣка, а надлежитъ обратиться къ изслѣдованію явленій жизни и, освѣщая факты теоріей и исправляя теорію соотвѣтственно указанію фактовъ, представить читателю данное ученіе, какъ логически вытекающее изъ фактовъ и научно построенныхъ на нихъ обобщеній. Придя къ такому заключенію, М. и Э. «предоставили расправляться» съ вышеупомянутымъ философскимъ ихъ обоснованіемъ ученія о матерьялистическомъ объясненіи исторіи «грызущей критики мышей», а сами обратились къ научному обоснованію этого ученія, т.-е. къ изслѣдованію строенія общества и его исторіи, результатомъ какового изслѣдованія явилось, между прочимъ, извѣстное сочиненіе «Капиталъ».

Что неприлично Юпитеру, то позволительно быку; и вотъ г. Бельтовъ, не довольствуясь гегелевскимъ облаченіемъ заимствованной у Маркса и Энгельса теоріи, задумалъ возстановить и ту гегеліаду, которую названные мыслители предоставили вѣдѣнію «грызущей критики мышей», и дать исповѣдываемому имъ ученію спекулятивно-философское обоснованіе. Къ удовольствію, однако, читателя его книга заключаетъ также нѣчто болѣе интересное. Здѣсь вы найдете также комментаріи автора нѣкоторыхъ положеній разсматриваемаго ученія и оцѣнку съ точки зрѣнія теоріи нѣкоторыхъ явленій изъ области русской мысли. Мы не станемъ слѣдить за всѣми изгибами капризной и лишенной принципіальнаго основанія мысли нашего автора. По личному своему настроенію и согласно интересамъ той программы, какую мы представляемъ, мы вовсе не расположены бороться съ основной идеей того ученія, какое, будто бы, защищается г. Бельтовымъ. Не будучи же спеціалистомъ-исторіософомъ, я избавленъ отъ обязательства разбирать, насколько аргументаціи г. Бельтова способна поддержать развиваемую имъ гипотезу. Въ виду сказаннаго, мы остановимся на той части труда автора, въ которой онъ съ высоты теоріи экономическаго матерьялизма оцѣниваетъ нѣкоторыя явленія русской литературы, при чемъ и здѣсь ограничимся лишь небольшой долей того, что можно бы высказать по данному предмету, потому что, если задаться цѣлью разоблаченія дѣйствитель-

наго содержанія всего того, что г. Бельтовъ напуталъ, хотя бы въ одномъ только «Заключеніи», намъ пришлось бы написать больше страницъ, нежели содержитъ цѣлый трудъ разбираемаго автора.

Отказываясь слѣдить за исторіософическими упражненіями г. Б., мы, однако, не считаемъ возможнымъ ни слова не сказать объ этомъ предметѣ. Для того, чтобы дать читателю возможность судить о собственномъ вкладѣ автора въ ученіе, насъ интересующее, мы вынуждены остановиться хотя бы на одномъ изъ этихъ упражненій на тему примѣненія гегеліанщины къ философіи исторіи. Заранѣе просимъ извиненія у читателя въ томъ, что займемъ его вниманіе такой безплодной діалектической схоластикой.

III.

Г. Бельтовъ начинаетъ свою книжку съ разсмотрѣнія исторической философіи французскихъ матеріалистовъ XVIII в. и заявляетъ, что они пришли къ двоякаго рода заключенію: 1) мнѣнія людей опредѣляются средою, 2) среда опредѣляется мнѣніями. Г. Бельтовъ находитъ, что оба эти положенія неопровержимы, но что въ изслѣдованіи вопроса нельзя довольствоваться установленіемъ взаимодѣйствія между мнѣніемъ и средой, потому что этимъ установленіемъ не дается «никакихъ указаній на счетъ происхожденія взаимодѣйствующихъ силъ». Правда, можно сказать, что признаніе взаимодѣйствія между мнѣніями людей и ихъ общественными отношеніями ни мало не препятствуетъ изслѣдованію происхожденія *данныхъ* мнѣній и *данныхъ* общественныхъ отношеній; что этимъ признаніемъ не устанавливается однообразное для всѣхъ вѣковъ соотношеніе между мнѣніями и средой, почему, слѣдя за историческимъ развитіемъ обоихъ факторовъ, можно, и не выходя изъ сферы взаимодѣйствія, усмотрѣть преимущественное значеніе въ одномъ случаѣ интеллектуальнаго фактора, въ другомъ—общественнаго. Наконецъ, казалось бы, что для разрѣшенія поставленной г. Бельтовымъ задачи — «понять исторію человѣчества, т.-е. въ данномъ случаѣ исторію его мнѣній съ одной стороны и исторію тѣхъ общественныхъ отношеній, чрезъ которыя оно прошло въ своемъ развитіи,—съ другой» (стр. 11) надлежало бы обратиться къ научному изслѣдованію соотвѣтствующихъ явленій, т.-е. къ изученію исторіи отдѣльныхъ, составляющихъ человѣчество, народовъ, которая дастъ и матеріалъ для построенія законовъ развитія, общихъ всему человѣчеству. Но г. Бельтовъ далекъ отъ такого воззрѣнія на предметъ. По его сокровенному мнѣнію, правильное пониманіе законовъ развитія общества

можетъ быть достигнуто не путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, не путемъ постепеннаго обобщенія конкретныхъ законовъ, установленныхъ для отдѣльныхъ мѣстностей, народовъ, эпохъ и т. п. Онъ вѣритъ, что дѣло должно идти какъ разъ наоборотъ; что въ своемъ пониманіи исторіи человѣкъ долженъ начать съ огромнаго прыжка на высоту общихъ законовъ развитія и, удобно пристроившись на этомъ конькѣ, объѣзжать затѣмъ частное и конкретное. «Само собой разумѣется,—говоритъ нашъ авторъ по поводу предложенія В. В. изучать законъ экономическаго развитія Россіи,—что даже въ то время, когда г. В. В. искалъ «законъ», онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какой смыслъ можетъ имѣть это слово въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ... Только этимъ и можно объяснить, что онъ надѣялся открыть законъ развитія *одной страны* (курсивъ автора)—Россіи. Но зачѣмъ онъ приписываетъ свои пріемы мысли русскимъ марксистамъ?» (стр. 47—8). И такъ, г. В. В. выказалъ только свое непониманіе ни законовъ общественнаго развитія, ни правильнаго метода изслѣдованія общественныхъ явленій, когда предложилъ производить изученіе конкретнаго закона экономической эволюціи Россіи; и въ то же время свалилъ съ больной головы на здоровую, приписавъ такіе же пріемы мысли русскимъ марксистамъ, которые, напротивъ того, не знаютъ частныхъ законовъ, обнаружившихся въ эволюціи какой-либо страны, а признаютъ только или общіе законы, или никакихъ.

Въ этомъ утвержденіи г. Бельтова имѣются двѣ неточности. Русскимъ марксистамъ я приписывалъ именно неспособность признать законъ экономической эволюціи Западной Европы, раціонально обоснованный въ «Капиталѣ», за законъ частный, и стремленіе обратить его въ законъ общій, примѣнимый также и къ Россіи; т.-е. я приписалъ имъ воззрѣніе, только-что признанное за истинное г. Бельтовымъ. Затѣмъ я поступалъ такимъ образомъ не относительно русскихъ марксистовъ, а относительно псевдо-марксистовъ или, если это г. Бельтону больше нравится,—относительно россійскихъ «марксистовъ». Я не могъ этого утверждать относительно послѣдователей М., принимающихъ его идеи такъ, какъ онъ самъ ихъ толковалъ, по той простой причинѣ, что даже г. Бельтовъ просто напалъ на г. Михайловскаго за то, что тотъ будто бы приписалъ Марксу, изслѣдовавшему *частный* законъ развитія экономическихъ отношеній въ Западной Европѣ, намѣреніе поступить согласно рецепту г. Бельтова, т.-е. указать *общій* законъ экономической эволюціи. Общія соціологическія воззрѣнія Маркса, поучаетъ г. Бельтовъ, не признаютъ возможности указывать путь развитія, «общій и обязательный для всѣхъ на-

родовъ»; изъ нихъ слѣдуетъ, что «развитіе всякаго даннаго общества всегда зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его, и что поэтому всякому серьезному человѣку надо, не гадая и не воя по поводу какой-то фантастической обязательности, изучить прежде всего это соотношеніе: только такое изученіе можетъ показать, что обязательно и что необязательно для даннаго общества» (стр. 253—4). Оставимъ пока безъ вниманія тотъ подлогъ, который производитъ въ воззрѣніяхъ Маркса нашъ авторъ, замѣняя окончательную апелляціонную инстанцію—экономическую, инстанціей политической («соотношеніе общественныхъ силъ») и остановимся на предметѣ, спеціально насъ въ данную минуту интересующемъ.

Сопоставляя эту рѣчь г. Бельтова съ тою, которая приведена выше, читатель видитъ, что между ними существуетъ полное противорѣчіе: тамъ онъ смѣется надъ намѣреніемъ г. В. В. «открыть законъ развитія *одной страны*—Россіи» и заявляетъ, что русскіе марксисты не придерживаются такихъ пріемовъ мысли; здѣсь онъ смѣется надъ г. Михайловскимъ, приписывавшимъ Марксу намѣреніе установить законъ эволюціи, примѣнимый не къ изслѣдованной только имъ странѣ, а и къ другимъ прогрессирующимъ обществамъ. Разница заключается лишь въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ для выраженія одного и того же понятія послѣдовательности экономическихъ явленій г. Бельтовъ употребилъ терминъ «законъ», а въ другомъ слово «путь». Чтобы не было никакого сомнѣнія на счетъ мнѣнія М. по вопросу о томъ—слѣдуетъ-ли въ изученіи законовъ общественнаго развитія идти, согласно реценту г. Бельтова, отъ общаго къ частному или наоборотъ,—укажемъ на его заявленіе, что онъ считаетъ для себя безчестіемъ утвержденіе г. Михайловскаго, будто бы въ «Капиталѣ» онъ имѣлъ намѣреніе дать историко-философскую теорію общаго хода развитія (т.-е. общій законъ эволюціи) общества, а не исторію происхожденія капитализма въ Западной Европѣ, и на его мнѣніе относительно значенія, какое могутъ имѣть «общіе законы» при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Изучая экономическую эволюцію различныхъ обществъ «въ отдѣльности, а затѣмъ сравнивая ихъ,—говоритъ онъ,—легко найти ключъ къ явленіямъ; но никогда нельзя прійти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ passe par tout историко-философской теоріи» («Юридическій Вѣстникъ» 1888 г., № 10).

Въ виду приведеннаго согласнаго заявленія и самого Маркса, и его комментатора, г. Бельтова, мы не можемъ признать за правомѣрныхъ послѣдователей перваго лицъ, утверждающихъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, что стремиться открыть законъ развитія одной

страны — ненаучно, и что освѣщеніе данной дѣйствительности слѣдуетъ производить, имѣя въ рукахъ passe par tout общаго закона. Но мы признаемъ совершенно естественнымъ, если лица съ указанной методологической повадкой,—для пониманія исторіи общественныхъ отношеній,—откажутся отъ изученія ихъ in concreto и будутъ пытаться открыть à priori причину всѣхъ причинъ, и заранѣе можемъ сказать, что это искомое подобіе абсолюта или сущности вещей, какъ и подобаетъ абсолюту, окажется въ единственномъ числѣ, единой причиной развитія человѣчества.

И такъ, желая понять исторію мнѣній человѣчества «съ одной стороны и исторію тѣхъ общественныхъ отношеній, черезъ которыя оно прошло въ своемъ развитіи—съ другой», г. Бельтовъ не рѣшился обратиться къ подлежащимъ фактамъ, а пожелалъ разрѣшить вопросъ à priori, умозрительно. Задавшись же такой цѣлью, въ руководители себѣ ему пришлось искать спеціалистовъ по части умозрѣнія, для чего всего лучше остановиться на комъ-либо изъ великихъ метафизиковъ, которые также ставили себѣ задачей разрѣшать путемъ умозрѣнія вопросы, на которые не давала отвѣта наука. Сочиненія Маркса обратили вниманіе г. Бельтова на Гегеля, а у него онъ встрѣтился и съ интересующимъ его вопросомъ о взаимодѣйствіи мнѣній и общественныхъ отношеній или, вѣрнѣе говоря, Гегель-то и поставилъ передъ нимъ этотъ вопросъ.

«Возьмемъ примѣръ,—объясняетъ г. Бельтовъ.—Часто говорили, особенно въ XVIII в., что государственное устройство всякаго народа обусловливается его нравами. И это совершенно справедливо. Когда исчезли старые республиканскіе нравы римлянъ, республика уступила мѣсто монархіи. Но, съ другой стороны, не менѣе часто утверждали, что нравы даннаго народа обусловливаются его государственнымъ устройствомъ. Это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, откуда у римлянъ, напр., временъ Геліогабала явились бы республиканскіе нравы? Не ясно-ли до очевидности, что нравы римлянъ временъ имперіи должны были представлять нѣчто, совершенно противоположное старымъ республиканскимъ нравамъ. А если ясно, то мы приходимъ къ тому общему выводу, что государственное устройство обусловливается нравами, нравы—государственнымъ устройствомъ. Но вѣдь это противорѣчивый выводъ. Вѣроятно, мы пришли къ нему вслѣдствіе ошибочности того или другого изъ нашихъ положеній. Какого же именно? Ломайте себѣ голову, сколько хотите, вы не откроете неправильности ни въ томъ, ни въ другомъ: они оба совершенно безупречны» (стр. 9). Поговоривъ затѣмъ на тему о недостаточности констатированія взаимодѣйствія

явленій и необходимости смотрѣть въ корень вещей, поклявшись при этомъ именемъ Маркса — за поученіемъ того, какимъ путемъ надлежитъ «допытываться болѣе глубокихъ причинъ общественнаго развитія», г. Бельтовъ обратился къ Гегелю, подобно тому, какъ другой россійскій «марксистъ», тоже кокетничающій съ Марксомъ, для обоснованія своихъ экономическихъ воззрѣній предпочелъ послѣднему Листа. «Гегель справедливо замѣчалъ по поводу этого спора (о взаимодѣйствіи нравовъ и конституціи),—говоритъ г. Бельтовъ,—что вопросъ поставленъ въ немъ совершенно неправильно, такъ какъ въ дѣйствительности, хотя нравы даннаго народа несомнѣнно вліяютъ на его конституцію, а конституція—на нравы даннаго народа, но и тѣ, и другіе представляютъ собою результатъ чего-то «третьяго», нѣкоторой особой силы, которая создаетъ и нравы, вліяющіе на конституцію, и конституцію, вліяющую на нравы» (стр. 110). Это г. Бельтовъ воспроизводитъ мысль Гегеля, а вотъ какъ онъ выражаетъ ее, какъ свою собственную. «Если государственное устройство (не забудьте, что государственное устройство взято лишь какъ примѣръ общественныхъ отношеній. В. В.) само предполагаетъ тѣ нравы, на которые оно вліяетъ, то очевидно, что не ему обязаны они своимъ первымъ происхожденіемъ. То же надо сказать и о нравахъ; если они уже предполагаютъ то государственное устройство, на которое они вліяютъ, то ясно, что не они его создали. Чтобы раздѣлаться съ этой путаницей, мы должны найти тотъ историческій факторъ, который произвелъ и нравы даннаго народа, и его государственное устройство, а тѣмъ *создалъ и самую возможность ихъ взаимодѣйствія* (курсивъ автора). Если мы найдемъ такой факторъ, мы откроемъ искомую правильную точку зрѣнія и тогда мы безъ труда разрѣшимъ смущающее насъ противорѣчіе». Нѣсколько ниже та же мысль выражена слѣдующимъ образомъ. «Чтобы понять исторію человѣчества... надо возвыситься надъ точкой зрѣнія взаимодѣйствія (мнѣній и среды), надо открыть, если это возможно, тотъ факторъ, который опредѣляетъ собой и *развитіе общественной среды, и развитіе мнѣній* (курсивъ автора)» (стр. 11).

Положеніе о взаимодѣйствіи мнѣній или нравовъ и общественныхъ отношеній разсматривается г. Бельтовымъ, какъ положеніе общее, касающееся не опредѣленныхъ только нравовъ, мнѣній и отношеній, а всѣхъ, безъ различія ихъ рода и вида. Поэтому искомый факторъ, производящій и нравы, и учрежденія, т.-е. и антропологическій, и общественный элементы развитія, не можетъ самъ принадлежать къ этимъ элементамъ. Такъ, напр., нельзя выйти изъ «путаницы» взаимовліяній, вырвать изъ нихъ, поло-

жизнь, интеллектуальный факторъ или государственное устройство, или экономическія отношенія и поставивъ его въ качествѣ первопричины, произведшей всѣ прочія явленія и общественныя отношенія: нельзя этого сдѣлать, потому что и то, и другое, и третье уже состоятъ включенными въ формулу взаимодѣйствія, какъ имѣющую, повторяемъ, общее значеніе, и, слѣдовательно, подчинены на ряду съ другими вліянію членовъ этой формулы. Такимъ образомъ, историческій факторъ, дающій происхожденіе и опредѣляющій развитіе общественной среды и явленій, самъ долженъ стоять внѣ того и другого, долженъ быть, дѣйствительно, чѣмъ-то для двухъ первыхъ вещей посторонними, чѣмъ-то «третьимъ».

Если Гегель искалъ внѣ человѣка и общества, въ чемъ-то «третьемъ» силу, которая и создаетъ ихъ обоихъ, и опредѣляетъ ихъ содержаніе въ теченіе историческаго процесса: если и человѣка, и общество онъ представлялъ въ видѣ пустого сосуда, наполняемаго откуда-то со стороны, то это было понятно, потому что, въ качествѣ метафизика, онъ могъ *создать* нужную ему силу, независимую отъ тѣхъ явленій, какія онъ изучаетъ, и надѣлить ее всѣми тѣми свойствами, какія необходимы для объясненія данной совокупности явленій. Въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, новая сила есть олицетвореніе достигнутаго пониманія явленія, и потому неудивительно, что она прекрасно объясняетъ послѣднее. Такъ и Гегель,—составивъ себѣ опредѣленное понятіе о мірѣ, человѣкѣ и обществѣ, олицетворивъ это понятіе, какъ самостоятельно существующую «идею» и надѣливъ ее свойствомъ, во-1-хъ, проходить различныя ступени развитія, во-2-хъ, осуществляться въ матерьяльной формѣ, — продѣлавъ этотъ кунштюкъ, Гегель успокоилъ свою философскую пытливость,—при каждой встрѣчѣ съ міромъ явленій, т.-е. съ нѣкоимъ разнообразіемъ, съ чѣмъ-то относительнымъ—ставившую вопросъ: почему? Поставивъ на мѣсто разнообразныхъ и относительныхъ явленій единую, абсолютную «идею», т.-е. нѣчто ни на что неразложимое и ни отъ чего не зависящее, Гегель нашелъ, что теперь все ясно, ясно и то взаимодѣйствіе нравовъ и учрежденій, которое до производства описаннаго кунштюка казалось столь непонятнымъ; нашелъ все это и успокоился.

Такой результатъ умствованія Гегеля не обезкуражилъ г. Бельтова, хотя онъ и остался имъ недоволенъ. Недовольство его вызывалось, во-1-хъ, тѣмъ, что Гегель далъ идеалистическое разрѣшеніе вопроса, между тѣмъ какъ г. Бельтовъ—матерьялистъ; во-2-хъ, что объясненіе Гегеля въ сущности ничего не объясняло, такъ какъ его абсолютная идея есть не что иное, какъ олицетвореніе нашего логическаго мышленія, которое прекрасно можетъ

существовать и безъ такого олицетворенія. Понявъ слабыя стороны гегелевскаго рѣшенія вопроса, г. Бельтовъ, давая свое собственное, принялъ мѣры, чтобы избѣжать, если не ошибокъ вообще, то хотя бы недостатковъ Гегеля. Какова же должна быть новое рѣшеніе вопроса; гдѣ искать тотъ «историческій факторъ, который опредѣляетъ собой и развитіе общественной среды, и развитіе мнѣній»?

Г. Бельтовъ—матерьялистъ; слѣдовательно, и искомый факторъ долженъ имѣть матерьяльный характеръ. Г. Бельтовъ охотно бы, пожалуй, замѣнилъ гегелевскій «духъ» «матеріей»; но это не будетъ разрѣшеніемъ вопроса, такъ какъ искомая сила должна быть внѣ человѣка и общества, а между тѣмъ самъ человѣкъ состоитъ изъ матеріи. Слѣдовательно, данная сила должна быть не только матеріей, но и матеріей, находящейся внѣ человѣка. Какая же это матерія? Къ счастью для г. Бельтова, ему не предстояло надобности изобрѣтать что-нибудь, кромѣ того, что уже существуетъ въ природѣ, какъ это нужно было Гегелю, и потому хотя онъ и воспользовался методологическимъ пріемомъ послѣдняго, но избѣжалъ опасности впасть въ очевидную нелѣпость. Гегель поставилъ себѣ цѣлью найти такую «третью» силу, которая объясняла бы явленія и человѣка съ обществомъ, и внѣшней природы, а, за неимѣніемъ ничего подобнаго въ дѣйствительности, онъ долженъ былъ изобрѣсти эту силу. Г. Бельтовъ задался объяснить чѣмъ-то «третьимъ» лишь отношеніе между человѣкомъ и обществомъ, а внѣ ихъ есть еще реальное «третье» — внѣшняя природа. Можно, слѣдовательно, оставаясь на почвѣ гегелевскаго хода мысли, не забираться въ область фантазіи, не выходить изъ міра реальнаго: географическая среда—это и долженъ быть тотъ факторъ, въ которомъ скрыта тайна *историческаго* процесса.

Таковъ долженъ былъ быть ходъ «философской» мысли г. Бельтова, разъ ему пришло въ голову подражать Гегелю,—ходъ, приведшій къ открытію, что тайну историческаго процесса слѣдуетъ искать не въ человѣкѣ и не во взаимодѣйствіи человѣка и природы, а въ географической средѣ.

Замѣтимъ, что, говоря о географической средѣ, какъ о факторѣ, произведшемъ и нравы человѣка, и учрежденія, г. Бельтовъ имѣетъ въ виду не вопросъ о первоначальномъ происхожденіи общества, который не составляетъ предмета науки исторіи. Общественное устройство возникло не только во времена доисторическія, но даже на зоологической стадіи развитія человѣка. Въ историческій же періодъ своего существованія человѣкъ вступилъ, во-1-хъ, съ извѣстными нравами и мнѣніями, во-2-хъ, съ извѣстнымъ общественнымъ устройствомъ, а, слѣдовательно, и съ

возможностью взаимодѣйствія между тѣмъ и другимъ. Этотъ фактъ наличности нравовъ и общественныхъ отношеній и ихъ взаимодѣйствіе составляетъ *исходную точку* историческаго изученія. Если, поэтому, открываемыхъ исторіей данныхъ недостаточно для того, чтобы узнать «болѣе глубокія причины общественнаго развитія»,— что и заставляло г. Бельтова путемъ спекуляціи искать фактора, произведшаго и нравы, и общественныя отношенія,—то, очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь не о правахъ и учрежденіяхъ первичныхъ, происхожденіе коихъ не составляетъ предмета изученія исторіи а о тѣхъ правахъ и учрежденіяхъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи, о правахъ и учрежденіяхъ *«даннаго народа»*, какъ выражается г. Бельтовъ. А если такъ, то задачей г. Бельтова, какъ «возвысившагося надъ точкой зрѣнія взаимодѣйствія», служитъ отысканіе того историческаго фактора, который произвелъ именно *данные* нравы и *данныя* общественныя отношенія и который опредѣлилъ ихъ измѣненіе въ извѣстномъ направленіи. И этотъ историческій фактъ есть географическая среда!

Сдѣлавъ великое открытіе, что географическая среда и есть дѣйствительная причина историческаго процесса, въ которой нужно искать объясненія опредѣлившагося направленія этого послѣдняго, которая произвела и «нравы временъ Геліогабала», и римскую республику, — г. Бельтовъ съ этой новой точки зрѣнія начинаетъ передѣлывать то, что имъ было сдѣлано раньше.

Одной изъ важныхъ ошибокъ философовъ эпохи просвѣщенія и утопистовъ начала XIX в. была мысль о неизмѣнности человѣческой природы. «Чтобы играть роль верховнаго мѣрила (въ исторіософическихъ разсужденіяхъ писателей указанныхъ эпохъ) человѣческая природа, естественно, должна была остаться разъ навсегда *неизмѣнной* (курсивъ автора),—говоритъ г. Бельтовъ.— Просвѣтители дѣйствительно считали ее такою. Но если человѣческая природа неизмѣнна, то какъ же можно объяснить ею ходъ умственнаго или общественнаго развитія человѣчества? Можно-ли соотвѣтствующія измѣненія объяснять съ помощью чего-то неизмѣннаго, разъ навсегда даннаго? Оттого-ли мѣняется перемѣнная величина, что постоянная остается неизмѣнной?» (стр. 28). Конечно, нѣтъ. «Великая научная заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ подошелъ къ вопросу съ діаметрально противоположной стороны, что онъ на самую природу человѣка взглянулъ, какъ на вѣчно измѣняющійся результатъ историческаго движенія» (стр. 125). Въ то время, «какъ человѣкъ для поддержанія своего существованія *воздѣйствуетъ на природу внѣ его, онъ измѣняетъ* свою собственную природу (курсивъ автора)», поясняетъ эту мысль авторъ (стр. 160). Воздѣйствіе человѣка на природу выражается въ ея ути-

лизаціи въ интересахъ потребностей человѣка, а эта утилизація совершается не голыми органами, какъ у другихъ животныхъ, а при помощи орудій. «Человѣкъ есть животное, дѣлающее орудія», и его исторія есть исторія усовершенствованія этихъ орудій, роста производительныхъ силъ. Изобрѣтеніе орудій есть дѣло разума, а разъ изобрѣтенное орудіе, подчиняя природу человѣку, способствуетъ дальнѣйшему развитію разума, т.-е. способности дѣлать орудія и т. д. Поэтому, измѣненіе въ теченіе историческаго процесса природы человѣка при ближайшемъ разсмотрѣніи предмета можетъ быть квалифицировано, какъ непрерывный ростъ способности человѣка дѣлать орудія.

Это г. Бельтовъ говоритъ, слѣдуя одному изъ своихъ учителей но, какъ намъ извѣстно, онъ учился еще и у другого, и, согласно этой новой наукѣ, дѣло историческаго процесса представляется уже въ другомъ видѣ. Въ качествѣ гегеліанца, г. Бельтовъ двигательный нервъ исторіи нашелъ въ чемъ-то, не имѣющемъ ничего общаго съ человѣкомъ, въ географической средѣ. А такъ какъ вѣчно измѣняющійся процессъ исторіи нельзя «объяснять съ помощью чего-то неизмѣннаго, разъ навсегда даннаго»,—а признаніе способности къ измѣненію за человѣческой природой дѣлало излишнимъ обращеніе къ географической средѣ, какъ къ двигателю исторіи,—то г. Б. наиспокойнѣйшимъ образомъ обратилъ измѣняющуюся природу человѣка въ окаменѣлую, а малоподвижную географическую среду надѣлилъ свойствомъ, отнятымъ у человѣка. «Въ историческомъ процессѣ развитія производительныхъ силъ,—говоритъ онъ,—способность человѣка къ дѣланію орудій приходится разсматривать прежде всего, какъ *величину постоянную* (курсивъ автора), а окружающія внѣшнія условія употребленія въ дѣло этой способности, какъ *величину постоянно измѣняющуюся* (курсивъ автора)» (стр. 132).

Ограничиваясь, по вопросу о собственной философіи г. Б. и о философскомъ примѣненіи имъ пріема мышленія путемъ противорѣчій, сказаннымъ выше, перейдемъ къ ознакомленію съ той частью его книги, въ которой онъ примѣняетъ исповѣдываемое имъ ученіе къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ явленій русской жизни и мысли и которая дастъ намъ случай познакомиться съ авторомъ, какъ съ матерьялистомъ-методологомъ и идеологомъ.

IV.

Характерной чертой г. Бельтова, какъ мыслителя, служитъ неспособность научно-критически отнестись къ исповѣдываемымъ

ществъ, вслѣдствіе чего его книжка блещетъ отсутствіемъ критической продуманности развиваемыхъ имъ мыслей. Вмѣстѣ съ тѣмъ автору свойственно непомѣрное самомнѣніе, располагающее его благосклонно относиться ко всякой пришедшей ему въ голову мысли, потому только, что она пришла именно въ его голову. Соединеніе двухъ названныхъ качествъ повело къ тому, что развиваемое г. Бельтовымъ ученіе окрасилось сектантскимъ цвѣтомъ, и что въ спорахъ съ противниками авторъ впадаетъ въ такую распущенность мысли (о рѣчи нечего и говорить), которая невольно заставляетъ предполагать, что онъ просто смѣется надъ читателемъ. Въ этомъ отношеніи другой русскій представитель ученія историческаго матеріализма, г. Струве, выгодно отличается отъ г. Бельтова и большимъ критицизмомъ, и большимъ историзмомъ.

Такъ, напр., некритическіе поклонники Маркса, обольщенные стройностью его ученія экономическаго матеріализма, забываютъ, что это ученіе—пока еще гипотеза, которая ждетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, чтобы быть опровергнутой, видоизмѣненной или въ полномъ видѣ обращенной въ теорію. Такая задача обоснованія широкаго ученія не можетъ быть сдѣлана однимъ лицомъ и требуетъ совмѣстной работы многихъ изслѣдователей; но такой-то работы въ размѣрахъ, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ важности задачи, и не имѣется. Нѣкоторые русскіе писатели указывали на этотъ общеизвѣстный фактъ, и—по предмету покушенія со стороны неумѣренныхъ поклонниковъ Маркса приравнять его ученіе дарвинизму—говорили, что сила послѣдняго кроется не въ одной широтѣ и глубинѣ построенія, а въ томъ, что основная его идея вызвала множество изслѣдованій, результатомъ коихъ было обращеніе на его сторону всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ естествоиспытателей. Марксизмъ же не только не вызвалъ серьезныхъ работъ, но до самаго послѣдняго времени не имѣлъ научной школы; естественно, поэтому, если это ученіе продолжаетъ до сихъ поръ оставаться на положеніи блестящей гипотезы. Русскіе марксисты болѣе или менѣе признаютъ этотъ фактъ. Такъ, г. Струве прямо заявляетъ, «что чисто философское обоснованіе этого ученія еще не дано, и оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены. Но зерно ученія является *на нашъ взглядъ* вѣрнымъ» (Критич. замѣтки, стр. 46). Этимъ заявленіемъ г. Струве признаетъ, что принятіе ученія экономическаго мате-

рьялизма не можетъ быть сдѣлано по строго-научнымъ мотивамъ; что кромѣ прямо и косвенно подтверждающихъ это ученіе доказательствъ, кромѣ данныхъ объективнаго характера, чтобы принять его требуется еще нѣчто, вносимое принимающимъ отъ себя, требуется извѣстное предрасположеніе, опредѣленное субъективное настроеніе.

Г. Бельтовъ,—правда, кривлялся и гримасничая,—также признаетъ бѣдность научной марксистской литературы и тотъ фактъ, что единственная большая научная работа по обоснованію разсматриваемаго ученія есть «Капиталъ».

Названное сочиненіе не заключаетъ сколько-нибудь полнаго обоснованія разсматриваемой теоріи; оно не можетъ его заключать, такъ какъ предметомъ его служитъ небольшой и еще незаконченный періодъ человѣческой исторіи (капиталистическій), а разработанъ этотъ періодъ почти исключительно по даннымъ, относящимся къ одной странѣ. «Марксу удалось исчерпать, да и то, конечно, лишь приблизительно, только вопросы, относящіеся, главнымъ образомъ, къ матерьяльному быту избраннаго имъ періода. Марксъ умеръ не очень старымъ человѣкомъ. Но если бы онъ прожилъ еще 20 лѣтъ, то онъ, вѣроятно, все продолжалъ бы (за исключеніемъ, можетъ быть, отдѣльныхъ монографій) исчерпывать вопросы матерьяльнаго быта того-же періода» (Бельтовъ, стр. 216). Но нѣдь разсмотрѣть эволюцію экономическихъ отношеній, значитъ положить только первый камень воздвигаемаго зданія. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о самомъ зданіи, надлежитъ показать, какимъ образомъ, вмѣстѣ съ капиталистической эволюціей промышленности и въ зависимости отъ нея, мѣнялись политическія учрежденія, философскія воззрѣнія и т. д. Выполненіе этой задачи уже не могло быть дѣломъ одного Маркса; ей должны были посвятить свои силы другіе изслѣдователи. Но, какъ мы упомянули объ этомъ выше, Марксъ не имѣлъ учениковъ-сотрудниковъ, способныхъ слѣдовать за нимъ въ разработкѣ извѣстной темы; онъ вызывалъ поклоненіе, но поклоненіе школьниковъ, способныхъ только пережевывать мысль своего учителя или членовъ партіи, обязанной ему теоріей и программой. Г. Бельтовъ старается замаскировать это печальное для ученія экономическаго матерьялизма явленіе и поддержать умственное совершенноѣтіе и научную правоспособность послѣдователей этого ученія ссылкою на то, что имъ некогда было заниматься наукой; что они «боролись противъ тѣхъ отношеній производства, которыя лежатъ тяжелымъ гнетомъ на современномъ человѣчествѣ» (стр. 216). Но какъ бы онъ ни распинался за себя и своихъ единомышленниковъ, какія бы арлекинскія колѣнца при этомъ ни

выкидывалъ; какъ бы ни «подбоченивалъ» г. Михайловскаго и какъ бы ни кланялся ему вмѣстѣ съ другими обвиняемыми, «держа шапки на атлетѣ»,—фактъ остается фактомъ: гипотеза экономическаго матерьялизма наибольшимъ успѣхомъ обязана партійнымъ соображеніямъ и разсчетамъ; ее восприняли тѣ, которые должны были «бороться противъ существующихъ отношеній производства»; между ними не нашлось нѣсколькихъ человѣкъ, настолько прилежащихъ къ наукѣ, чтобы бороться за исповѣдываемое ими ученіе научнымъ его обоснованіемъ. Какъ ученый представитель теоріи, Марксъ былъ одинъ (не считая Энгельса) въ теченіе всей своей жизни и остается однимъ еще долго послѣ смерти. Необходимость «борьбы съ существующими отношеніями производства» не только не умаляетъ, но даже усиливаетъ печальное значеніе указаннаго явленія.

Нельзя считать простой случайностью тотъ фактъ, что борьба, о которой говоритъ г. Бельтовъ, обязана своей новой формой двумъ *мыслителямъ*, которые вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что можно быть одновременно и настоящимъ ученымъ, и энергичнымъ практическимъ дѣятелемъ. Даже больше того—безъ *научнаго* труда, прославившаго имя Маркса, не было бы и партіи, прославившей нѣмецкую демократію. Идеологическій ореолъ, коимъ окружили программу этой партіи научныя построенія ея духовныхъ основателей, составляетъ главную основу ея вліянія. И нынѣшніе руководители нѣмецкаго рабочаго движенія прекрасно это понимаютъ и даже злоупотребляютъ идеей предполагаемой преимущественной связи именно ихъ программы съ научно-философскимъ пониманіемъ историческаго процесса. Но послѣднія явленія въ жизни этой партіи намекаютъ на то, что составляющій ея силу блестящій идейный ореолъ начинаетъ тускнѣть и меркнуть. Исходъ вопроса, на съѣздѣ партіи въ Бреславлѣ, объ измѣненіи ея программы такъ, чтобъ она охватила не только городскихъ рабочихъ, но и сельскій трудящійся людъ, показываетъ, что современные теоретики партіи не находятся на высотѣ своего положенія; что они не способны сдѣлать такія измѣненія въ теоріи, которыя поставили бы ее въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися условіями жизни; что изъ философовъ они превращаются въ догматиковъ, а такое превращеніе врядъ-ли соотвѣтствуетъ правильно понятымъ интересамъ и самой партіи, и главной ея задачѣ—«борьбѣ съ существующими отношеніями производства».

Главной причиной указаннаго явленія служитъ, конечно, бѣдность партіи выдающимися интеллектуально людьми, т.-е. бѣдность школы марксистовъ выдающимися представителями. Со смертью Энгельса школа утратила послѣдняго своего философа,

и найдутся-ли среди марксистовъ живыя лица, способныя замѣнить покойниковъ—вопросъ, остающійся подъ большимъ сомнѣніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подъ сомнѣніе ставится и вопросъ о томъ, удержитъ-ли разсматриваемая нами доктрина положеніе, занимаемое ею нынѣ? Шутовство и болѣе талантливаго, нежели г. Бельтовъ, арлекина не въ состояніи завеселить этотъ печальный фактъ; а отплясываніе передъ нимъ автора показываетъ только, до чего онъ способенъ позабыть интересы дѣла, которому служитъ, разъ ему представится возможность обнаружить свое остроуміе, хотя бы послѣднее и отдавало канцеляріей военнаго управленія.

И такъ, г. Бельтовъ вполнѣ признаетъ бѣдность марксистской литературы, и читателю естественно предположить, что дѣлая такое признаніе, онъ только развиваетъ мысль г. Струве объ отсутствіи научнаго обоснованія у исповѣдываемаго ими обоими ученія. И вдругъ оказывается, что его отзывъ объ ученой марксистской литературѣ служитъ ему для опроверженія этой мысли и для доказательства прямо противоположной.

Какъ, вы считаете недоказанной теорію историческаго матеріализма—буквально кричитъ г. Бельтовъ на своихъ противниковъ,—вы утверждаете, что нѣтъ книгъ, обосновывающихъ эту теорію! Не скорбите, гг. субъективисты: «есть нѣсколько книгъ, одна другой лучше выясняющихъ историческую теорію Маркса» Одна изъ нихъ—«Капиталъ», «съ которымъ вы всѣ согласны, но котораго ни одинъ изъ васъ не понялъ, милостивые государи». Другая, «это исторія философіи и общественной науки, начиная съ конца прошлаго вѣка». «Третья книга—это исторія европейскихъ событій, начиная съ 1848 г., т.-е. со времени появленія извѣстнаго манифеста». «Кажется, свидѣтельства этихъ трехъ книгъ достаточно? И, кажется, нельзя отрицать существованія ни одной изъ нихъ?»—беззастѣнчиво, чтобы не сказать больше, смѣется г. Бельтовъ въ глаза читателю. «Вы скажете, конечно,—продолжаетъ фигляртвовать авторъ,—что мы вычитываемъ оттуда не то, что тамъ написано? Что же, скажите и докажите это, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ вашихъ доказательствъ, а чтобы вы не очень запутались въ нихъ, мы выяснимъ вамъ на первый разъ смыслъ книги «Капиталъ» (стр. 210—211).

И такъ, вотъ чѣмъ, по словамъ новаго защитника марксизма, обосновывается ученіе послѣдняго: 1) книгой «Капиталъ», для пониманія которой недостаточно получить общее образованіе, открывающее доступъ къ трудамъ Дарвина, Бокля и другихъ геніевъ науки и мысли, а требуется еще спеціальная дрессировка ума подъ руководствомъ г. Бельтова и другихъ начетчи-

ковъ; 2) фактами изъ исторіи мысли и общества, собрать, проанализировать, обобщить и освѣтить которые предоставляется каждому любознательному человѣку. Не знаю, что вы думаете, читатель, а по моему мнѣнію, послѣ такой защиты теоріи такъ же поздоровится, какъ и крыловскому пустынніку послѣ защиты его медвѣдемъ. Единственная реальная, не фантастическая книга, заключающая обоснованіе теоріи, написана такъ безтолково, что можетъ исполнять свое назначеніе лишь при посредствѣ разъясненія особыхъ начетчиковъ,—точь-въ-точь какъ книги нашихъ невѣжественныхъ расколоучителей! Остальныхъ же основъ теоріи нужно искать не въ книгахъ, а въ фактахъ дѣйствительной жизни—духовной и матерьяльной. Попросту говоря, другихъ логическихъ основъ у ученія пока не существуетъ; ихъ нужно еще добывать обычнымъ путемъ изслѣдованія той самой матери природы, которая вкушаетъ людямъ самыя противоположныя воззрѣнія, гдѣ матерьялисты находятъ богатый арсеналъ для пораженія идеалистовъ, и откуда идеалисты почерпаютъ оружіе для уничтоженія матерьялистовъ. Тысячелѣтія бьется человѣчество надъ задачей уразумѣнія этой «книги»; тѣмъ больше оно познаетъ ее, тѣмъ больше понимаетъ трудности этого уразумѣнія, тѣмъ болѣе усложняются методы изслѣдованія и тѣмъ затруднительнѣе становится читать эту книгу, не имѣя спеціальной подготовки, почему не только это чтеніе возлагается на обязанность спеціалистовъ, но и сфера компетенціи каждаго изъ нихъ сужается болѣе и болѣе, а способность по-хозяйски распоряжаться въ нѣсколькихъ отдѣлахъ этой книги выпадаетъ на долю немногихъ избранниковъ.

И вотъ, въ такой-то моментъ развитія научныхъ знаній является человѣкъ, утверждающій, что онъ есть носитель теоріи, въ научномъ отношеніи занимающей исключительное положеніе,—теоріи, для доказательства истинности которой не требуется ни кропотливыхъ изслѣдованій, ни спеціальной подготовки, и что указаніе на необходимость всего этого можетъ исходить только отъ невѣжественныхъ субъективистовъ. Пусть только вѣрующій взглянетъ на божій міръ и если онъ въ то же время въ состояніи понять «Капиталъ»,—этого совершенно достаточно для разрѣшенія вопросовъ, изъ-за которыхъ ломается столько копій учеными и неучеными представителями европейской интеллигенціи, и для научнаго освѣщенія маленькаго уголка которыхъ Марксъ потратилъ 40 лѣтъ трудовой жизни и потратилъ бы еще столько, если бы смерть не прервала его упрямаго упорства слѣдовать по пути, такъ развязно третируемому его неосмысленнымъ поклонникомъ.

Но этотъ способъ доказательства простой ссылкой на книгу жизни пригоденъ только для употребленія въ пользу ученія экономическаго матерьялизма; если же его обратить противъ него и, съ рѣшительностью г. Бельтова основаться на книгѣ жизни, заявивъ: «вы вычитываете оттуда не то, что тамъ написано», то г. Бельтовъ потребуетъ отъ васъ реальныхъ книгъ для подтвержденія сказаннаго: «мы съ нетерпѣніемъ ждемъ вашихъ доказательствъ» (стр. 211); «какъ жаль, что вы не потрудились показать ошибочность этой точки зрѣнія» (стр. 212) и т. д. Словомъ, всякое другое философско-историческое построеніе въ его мотивировкѣ раздѣляетъ обычную судьбу научныхъ гипотезъ, гипотезъ отъ разума; ученіе же экономическаго матерьялизма, по мнѣнію г. Бельтова, не нуждается въ трудной работѣ его обоснованія, какъ и всѣ ученія, взывающія къ вѣрѣ или легкомыслію.

Въ другихъ случаяхъ, по отношенію къ вопросу о научномъ изслѣдованіи, г. Бельтовъ высказываетъ положенія, значительно отличающіяся отъ только-что приведенныхъ. Онъ, напр., разъясняетъ, почему Марксъ, при своемъ громадномъ умѣ и такой же эрудиціи, затратилъ цѣлую длинную человѣческую жизнь и все-таки не исчерпалъ вопросовъ, относящихся только къ матерьяльному быту ограниченнаго періода исторіи одной европейской страны. Результатомъ этой работы въ историко-философскомъ смыслѣ, по словамъ самого М., было объясненіе происхожденія капитализма въ Западной Европѣ, но не построеніе теоріи общаго хода развитія, которой должны, будто бы, подчиниться всѣ народы. Своимъ «Капиталомъ» Марксъ далъ образецъ научнаго примѣненія теоріи для тѣхъ изъ учениковъ, которые не вѣрили въ него, какъ въ пророка, а слѣдовали ему, какъ ученому; а послѣ того, какъ этотъ примѣръ не былъ услышанъ, и его «очерку происхожденія капитализма въ Западной Европѣ» начали придавать значеніе, пророческое для отсталыхъ странъ, и въ томъ числѣ для Россіи, онъ прямо заявилъ (въ извѣстномъ письмѣ къ редактору русскаго журнала), что прійти къ пониманію явленій экономической жизни человѣчества невозможно, прилагая ко всѣмъ народамъ построеніе, выросшее на фактахъ изъ исторіи одной страны или нѣсколькихъ, или выведенное умозрительно, или, какъ онъ самъ выражается, «имѣя въ рукахъ passe par tout историко-философской теоріи». Для этого нужно изучить экономическую эволюцію каждой отдѣльной страны, и «затѣмъ, сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ явленіямъ». Мало того, изслѣдовавъ одинъ изъ моментовъ экономической эволюціи въ Западной Европѣ, М. принялся за изученіе эконо-

мическаго развитія Россіи; выучился для этого русскому языку и въ теченіе «долгихъ лѣтъ» изучалъ оффиціальныя и другія изданія, относящіяся къ этому предмету, предполагая утилизировать весь этотъ матерьялъ въ III томѣ «Капитала», подобно тому, какъ въ I томѣ онъ основывался на данныхъ изъ исторіи экономическаго развитія Англіи. Къ сожалѣнію, этому предположенію не суждено осуществиться, и мы, русскіе, потеряли счастливый случай получить истолкованіе судьбы нашего экономическаго развитія отъ такого выдающагося мыслителя и ученаго. Но если изученіе экономическаго развитія Россіи, предпринятое М., не увидало свѣта, то отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что такое изученіе теперь представляется излишнимъ, и что въ печатныхъ трудахъ названнаго ученаго имѣется все необходимое для того, чтобы можно было разрѣшить вопросъ о судьбѣ развитія Россіи. Напротивъ, тотъ фактъ, что изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, М. для своихъ дальнѣйшихъ построеній счелъ нужнымъ обратиться къ экономической исторіи Россіи, доказываетъ, что научная разработка явленій русской жизни имѣетъ важное значеніе не только для нашей страны, но и въ смыслѣ выясненія общихъ законовъ. Сказанное, казалось бы, должно усугубить ревность русскихъ изслѣдователей экономическаго быта Россіи, а открытые ученики М., съ примѣненія метода изслѣдованія, диктуемаго ученіемъ историческаго матерьялизма, къ Россіи, съ производства экономическихъ изслѣдованій и должны бы начать дѣло акклиматизаціи марксизма на русской почвѣ. И во всякомъ случаѣ, какъ марксисты, угодные Марксу, а не принадлежащіе къ той категоріи его учениковъ, которые заставляли его сказать: «je ne suis pas marxiste» — русскіе представители гипотезы историческаго матерьялизма не имѣютъ интеллектуальнаго права наносить своему учителю «безчестіе» (его собственное выраженіе) примѣненіемъ къ нашей странѣ, безъ предварительнаго изслѣдованія, формулы экономической эволюціи, выведенной для Западной Европы. Это значитъ, что они-то, открытые ученики М., и должны были явиться иниціаторами изслѣдованій, объединяющихъ массу собираемаго экономическаго матерьяла, направляющихъ изученіе экономическаго развитія Россіи на тотъ научный путь, образецъ котораго указанъ ихъ учителемъ.

Если, послѣ сдѣланныхъ разъясненій, вы обратитесь къ вопросу о томъ, какъ дѣйствительно водворялся въ Россіи открытый, или,—вѣрнѣе,—прикрытый марксизмъ—вы и не догадаетесь о томъ, что сущность новаго ученія заключается въ методѣ и въ руководящей нити для изслѣдованія, и что производствомъ из-

слѣдованія Россіи и должно бы открыться примѣненіе этого ученія къ толкованію русской жизни. Наблюдая первые нелитературные и литературные ростки его въ Россіи, вы необходимо получите понятіе о марксизмѣ, какъ объ опредѣленной идеологіи съ непререкаемыми въ глазахъ его послѣдователей положеніями, которыя не только не нуждаются въ доказательствѣ, какъ положенія абстрактныя, но которыми безапелляціонно рѣшаются и научные, и практическіе конкретные вопросы русской жизни. Такимъ образомъ, со стороны общаго характера русскій «марксизмъ» представляется намъ ультра-идеалистической системой.

Россійскій экономическій матеріализмъ встрѣтился у насъ съ экономическими изслѣдованіями, приводящими къ заключеніямъ, несогласнымъ съ его идеологіей, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ производились подъ флагомъ марксизма же. Но, вмѣсто того, чтобы вступить съ ними въ борьбу на той же почвѣ экономическаго изслѣдованія и надлежащимъ примѣненіемъ метода и экономической теоріи М. доказать неправильность ихъ выводовъ и указать путь, ведущій къ открытію истины, — нашъ *экономическій* матеріализмъ выдвинулъ противъ этихъ изслѣдованій нѣкоторыя положенія той же идеологіи, и притомъ не изъ экономической, а изъ политической ея части (борьба общественныхъ силъ). Этимъ онъ сразу обнаружилъ и идеологическое, и соціологическое уклоненіе отъ идеи своего учителя: идеологически онъ нарушилъ конвенцію экономическаго матеріализма тѣмъ, что окончательной апелляціонной инстанціей сдѣлалъ политическій факторъ, а не экономическій; соціологически онъ уклонился отъ матеріализма, обративъ свойственный послѣднему методъ въ его противоположность, попытавшись применить его «не какъ руководящую нить при изученіи исторіи, а какъ готовый шаблонъ, по которому выкраиваютъ историческіе факты» (Энгельсъ).

V.

Г. Бельтовъ не составляетъ исключенія среди русскихъ «марксистовъ»; онъ даже больше другихъ подчеркнулъ ихъ немарксистскія черты. Обрушиваясь на своихъ противниковъ за ихъ субъективизмъ и идеализмъ, онъ противопоставляетъ имъ чистѣйшую субъективистику и идеалистику. Примѣняя свою теорію къ Россіи, онъ и въ критической, и въ положительной части стоитъ на почвѣ недоказанной доктрины. И, что всего курьезнѣе, онъ дѣлаетъ это съ полной увѣренностью, что поступаетъ именно согласно духу

исповѣдываемаго имъ ученія: что онъ защищаетъ Маркса, а не предаетъ его. Такъ, насмѣявшись вдоволь (чужимъ умомъ) надъ г. Михайловскимъ за то, что онъ приписалъ М. намѣреніе дать общее значеніе и, слѣдовательно, распространить на Россію его формулу трансцапиталистической эволюціи общества; прибавивъ отъ себя нѣсколько жаркихъ словъ въ порицаніе тенденціи прилагать ко всѣмъ странамъ одну и ту же «формулу» и указавъ, что заключеніе Маркса о томъ, что въ 1861 г. Россія имѣла «одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для избѣжанія всѣхъ перипетій капиталистическаго строя», что это заключеніе сдѣлано М. послѣ долголѣтняго изученія русской экономической литературы, г. Б. беззастѣнчиво провозглашаетъ: «русскіе ученики Маркса и въ этомъ случаѣ вѣрны ему. Они руководствуются не субъективнымъ идеаломъ, и не какой-нибудь формулой прогресса, а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны» (с. 255). «Если г. г. субъективисты хотятъ разсуждать съ нами (сомнѣваюсь, чтобы съ *вами* можно было разсуждать! В. В.) по вопросу о томъ, какъ и куда идетъ Россія, то они въ каждую данную минуту должны исходить изъ *анализа экономической дѣйствительности*» (курсивъ г. Б.), «Русскіе ученики М., *на основаніи такого анализа* (курсивъ г. Б.) утверждаютъ...» «Г. г. субъективисты думаютъ, что «ученики» ошибаются. Имъ надо доказать это съ помощью данныхъ, доставляемыхъ тою же русской дѣйствительностью» (с. 256—7). Послѣ такого категорическаго и многократнаго заявленія о наличности экономическихъ изслѣдованій россійскихъ «марксистовъ», читатель вправѣ ожидать, что г. Бельтовъ, если не формулируетъ сущности изслѣдованій «русскихъ учениковъ Маркса», то, по крайней мѣрѣ, укажетъ главнѣйшія сочиненія, гдѣ ихъ надлежитъ искать. Но онъ съ чисто хлестаковской развязностью (но далеко не съ его серьезностью) перескакиваетъ черезъ этотъ вопросъ, наверстывая недостатокъ аргументаціи кривляніемъ и третированіемъ своихъ противниковъ, «какъ невѣжественныхъ мальчишекъ» (по выраженію восхищающагося г. Бельтовымъ «Саратовскаго Дневника»), не понимающихъ, какое важное значеніе имѣетъ «анализъ экономической дѣйствительности» (это г. Николай—онъ избѣгаетъ такого анализа), и затѣмъ уже считаетъ себя вправѣ съ яснымъ духомъ и полнымъ сознаніемъ своего марксистскаго достоинства вооружиться «формулой прогресса» и какъ по «шаблону выправлять» ею факты русской жизни.

Мы не послѣдуемъ за г. Бельтовымъ и въ объясненіе его беззастѣнчиваго самохвальства не сошлемся на аргументъ, примѣняемый

имъ къ своимъ противникамъ, что «русскій духъ—жметъ за двухъ». Мы не скажемъ, что, благодаря именно этому свойству русскаго духа, г. Николай—онъ не выдѣленъ изъ ряда «дорогихъ противниковъ» автора, пренебрегающихъ анализомъ экономической дѣйствительности и исходящихъ въ своихъ заключеніяхъ исключительно изъ идеальныхъ представленій. Г. Бельтовъ продѣлываетъ свою эквилибристику слишкомъ наивно для того, кто хочетъ сознательно играть. Мы вѣримъ, что, напр., въ книгѣ г. Николая—она онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не видѣлъ, кромѣ выводовъ; вѣримъ и тому, что свою «формулу прогресса» онъ считаетъ по отношенію къ Россіи вполнѣ обоснованной «изслѣдованіями» «учениковъ», въ томъ числѣ, быть можетъ, и своими собственными. Вѣримъ мы этому, потому что, насколько это выяснилось изъ второй половины его книги, понятія г. Бельтова о научномъ изслѣдованіи просты до наивности. Объ этой упрощенности пріемовъ изслѣдованія автора свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что онъ считаетъ каждаго компетентнымъ самолично разбираться въ «книгѣ» жизни для провѣрки правильности историко-философскихъ теорій, т.-е. что онъ обращаетъ всякаго, сходнаго съ нимъ по рѣшительности, человѣка въ исторіософа. О ней же можно судить и по другимъ мѣстамъ его книги. Такъ, для примѣненія къ Россіи «формулы прогресса», построенной для Западной Европы, онъ считаетъ совершенно достаточнымъ, во-1-хъ, отрицательное заключеніе марксистовъ, что «нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро покинетъ путь капиталистическаго развитія, на который она вступила послѣ 1861 г.» (с. 256), «что нѣтъ фактической внутренней силы, которая могла бы сдвинуть ее съ этого пути» (с. 256—7); во-2-хъ, наличность такихъ никѣмъ неоспариваемыхъ фактовъ, какъ обезземеленіе русскаго крестьянства и разложеніе общины. Ему и въ голову не приходитъ мысль о томъ, что изслѣдованіе, заслуживающее этого имени, должно представить полную картину существующаго, и что пока эта картина не нарисована, чье-либо заключеніе о томъ, чего нѣтъ, во-1-хъ, лишено обязательнаго значенія, и во-2-хъ, даже когда принимается за вѣрное для даннаго момента, ничего не говоритъ о ближайшемъ слѣдующемъ. А чтобы распространить его силу на неопредѣленное будущее, нужно доказать, что въ дѣйствительности отсутствуютъ всякіе намеки на возможность появленія той внутренней силы, о которой идетъ рѣчь. Г. Бельтовъ совершенно позабылъ о томъ, какъ, чуть не на нашихъ глазахъ, русская жизнь повернула въ направленіи, прямо противоположномъ ожидаемому. Онъ самъ разсказалъ, какъ «изученіе экономической дѣйствительности» до и по реформенному времени привело Маркса къ

заключенію о представляющемся для Россіи «прекраснымъ случаѣ избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя». Это значитъ, что М. увидалъ тогда наличность внутренней силы, двигающей Россію въ одномъ направленіи; а между тѣмъ она подвинулась въ другомъ, т.-е. въ теченіе извѣстнаго времени получила перевѣсъ новая сила. Теперь спрашивается, первая сила такъ и канула въ вѣчность или только отступила на задній планъ? А если вѣрно послѣднее, то не можетъ-ли эта сила когда-либо опять выдвинуться впередъ? Тотъ же М. указалъ на одну комбинацію обстоятельствъ, при которой естественно ожидать послѣдняго: это—окончаніе капиталистическаго режима на Западѣ. Но не возможно-ли стеченіе другихъ обстоятельствъ, способное повести къ тому же результату; нѣтъ-ли намековъ на то, что это стеченіе уже образуется? Отвѣтъ на эти вопросы возможенъ лишь послѣ того, какъ будетъ изслѣдована русская дѣйствительность. Т.-е. построеніе «формулы прогресса» русской жизни, имѣющей какое-нибудь соціологическое право требовать верховнаго контроля надъ міросозерцаніемъ мыслящихъ людей и программами партій, возможно лишь послѣ того, какъ будетъ всесторонне *изучена* эволюція русской жизни.

Что касается фактовъ другой категоріи, на которые ссылается г. Б.,—фактовъ обезземеленія населенія и разложенія общины,—они въ такой же мѣрѣ могутъ служить для доказательства мысли автора, въ какой рядомъ существующіе факты возсоединенія безземельныхъ крестьянъ съ землею и оживленія общинной тенденціи служатъ для подтвержденія мысли противоположной. Наличность тѣхъ и другихъ явленій, — вычисленная, прибавимъ, главнымъ образомъ, противниками россійскаго «марксизма», доказываетъ только,—и это опять-таки подчеркивалось лицами того самаго лагеря, который, по словамъ г. Б., не хочетъ знать русской экономической дѣйствительности, — что въ нашей жизни существуютъ взаимно противоположныя теченія. Въ виду этой мѣшанины явленій русской жизни нѣтъ ничего легче, какъ подборомъ фактовъ дать приличный видъ любой историко-философской гипотезѣ; и потому нѣтъ ничего важнѣе *научнаго анализа* этой жизни, требующаго и кропотливой возни съ мелкими фактами, и освѣщенія ихъ совокупности свѣтомъ теоріи, и исправленія односторонности послѣдней сличеніемъ ея съ явленіями жизни. Уже одно то обстоятельство, что въ то время, какъ въ Западной Европѣ капитализмъ праздновалъ полную побѣду, Россія была близка къ тому, чтобы пойти по прямо противоположному пути прогрессивнаго развитія, долженъ бы предостеречь отъ примѣненія къ ней формулы эволюціи Западной

Европы, даже въ томъ случаѣ, когда капиталистическое теченіе получило въ данный моментъ несомнѣнный перевѣсъ. Указанный, только-что пережитый моментъ колебанія Россіи между двумя направленіями развитія свидѣтельствуетъ о томъ, что это послѣднее происходитъ въ ней при другихъ внутреннихъ условіяхъ, нежели какія имѣли въ Западной Европѣ. Всякому извѣстно, что и международная обстановка въ настоящее время значительно отличается отъ той, какая была свойственна цивилизованному міру пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. А такъ какъ «событія, поразительно аналогичныя (обезземеленіе населенія, накопленіе капитала и т. п.), но происходящія въ средѣ, исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ» (Марксъ), то естественно, если бы даже при преобладаніи капиталистическаго теченія, Россія обнаружила уклоненіе отъ формулы капитализма западно-европейскаго. А если такъ, то и послѣ признанія безсилія народнаго производства устоять въ борьбѣ съ капиталистическимъ потокомъ, построеніе формулы нашего прогресса могло бы быть сдѣлано только послѣ тщательнаго изслѣдованія русской жизни. Конечно, такое заключеніе не будетъ отвергаемо г. Бельтовымъ, и если, несмотря на признаваемую имъ важность изслѣдованія современнаго положенія Россіи, онъ уже примѣняетъ къ ней формулу, которая должна бы составлять вѣнецъ этого изслѣдованія, то, значитъ, его простыя ссылки на отсутствіе въ русской жизни того-то и присутствіе этого и составляютъ итоги тѣхъ изслѣдованій, о которыхъ онъ говоритъ, какъ о произведенныхъ; т.-е. эти «изслѣдованія» заключаются просто-на-просто въ утилизаціи въ пользу излюбленной доктрины фактовъ, собранныхъ и разработанныхъ русскими «субъективистами», придающими важное значеніе въ опредѣленіи направленія пути развитія Россіи своимъ идеаламъ и въ то же время, по какой-то странной случайности, чувствующими особое пристрастіе къ фактамъ объективной дѣйствительности. Говоря проще, «изслѣдованія», дозволившія представителю россійскаго объективизма примѣнить къ Россіи опредѣленную формулу прогресса, заключаются въ простомъ подбираніи фактовъ, соотвѣтствующихъ этой формулѣ, въ нанизываніи фактовъ на заранѣе приготовленную ниточку, для производства какового операція не требуется ни особенныхъ знаній, ни способности къ анализу, ни критики, ни творчества; нужно быть только нѣсколько образованнымъ человѣкомъ и, главное, имѣть опредѣленную ниточку.

Г. Бельтовъ очень наивно открылъ секретъ своего метода изслѣдованія, когда—послѣ весьма убѣдительныхъ разсужденій

на тему о томъ, что никакія абстрактныя формулы прогресса для страны не обязательны, что «отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна», что формула прогресса можетъ быть построена только на почвѣ изученія фактическихъ отношеній; затѣмъ, приведя въ примѣръ долголѣтнее изученіе Марксомъ «офиціальныхъ и другихъ *имѣющихся въ печати* источниковъ», касающихся русской экономической жизни, и заявивъ, что «русскіе ученики Маркса и въ этомъ случаѣ вѣрны ему»,—онъ тотчасъ за этимъ прибавляетъ: «конечно, у одного изъ нихъ могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя познанія, *но дѣло здѣсь не въ размѣрѣ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія* (курсивъ автора)».

И такъ, условія производства изслѣдованій, признаваемыя г. Бельтовымъ на столько важными, что онъ счелъ необходимымъ указать на нихъ читателю, касаются не методовъ обращенія съ фактами и не научныхъ способностей изслѣдователя, а размѣра его знаній и его точки зрѣнія. Такимъ образомъ согласно присущему г. Бельтову понятію о процессѣ научнаго изслѣдованія, «точка зрѣнія» на явленія данной дѣйствительности, иначе говоря, освѣщеніе этихъ явленій, ихъ толкованіе не вырастаютъ, какъ законное увѣнчаніе воздвигаемаго зданія фактовъ и цифръ, по правиламъ объективнаго, научнаго изслѣдованія, безъ сознательнаго вмѣшательства той идеи, которая принадлежитъ лично вамъ, составляетъ ваше субъективное достояніе и еще только подлежитъ провѣркѣ этимъ изслѣдованіемъ. Нѣтъ, «точка зрѣнія», т.-е. нѣчто, вызывающее разногласія, до сихъ поръ еще объективно не доказанное, построенное независимо отъ явленій данной дѣйствительности, «passe-par-tout историко-философской теоріи», по выраженію Маркса; «готовый шаблонъ, по которому выкраиваютъ историческіе факты», по выраженію Энгельса; «хорошій законъ», по выраженію самого г. Бельтова (с. 249)—этотъ субъективный факторъ и опредѣляетъ достоинство «дѣла» изслѣдователя, а не размѣръ его познаній, не сила его мысли, не методы имъ употребляемые, не его научныя способности, о которыхъ г. Бельтовъ не считаетъ даже нужнымъ упомянуть и которыя, конечно, излишни, разъ есть факты и точка для ихъ нанизыванія. Нѣтъ, читатель! Въ качествѣ открытаго субъективиста, сознающаго психологическую неизбѣжность субъективизма въ изслѣдованіи и понимающаго, куда можетъ завести нерегулируемое сознаніемъ подчиненіе послѣдняго «точкѣ зрѣнія»,—я не могу достаточно сильно протестовать противъ рекомендаціи такого извращенія здороваго субъективизма, сдѣланной не помнящимъ себя «объективнымъ героемъ». Инте-

ресно, однако, что, запнувъ о шаблонъ, какъ о необходимомъ орудіи изслѣдователя—«марксиста», г. Бельтовъ тотчасъ-же забываетъ объ этомъ, и прямо въ строку продолжаетъ: «Русскіе ученики (?) Маркса руководствуются не субъективнымъ идеаломъ и не какой-нибудь формулой прогресса, а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны» (стр. 255). Вотъ ужъ, подлинно, языкъ безъ костей!

Въ виду такого представленія автора о пріемахъ научнаго изслѣдованія, мы бы, пожалуй, не удивились, если бы оказалось, что утвержденіе г. Бельтова—«русскіе ученики М. исходятъ изъ анализа экономической дѣйствительности»—сдѣлано имъ не для подтвержденія изреченія, что «русскій духъ претъ за двухъ», а потому, что онъ, дѣйствительно, вѣритъ въ наличность такихъ изслѣдованій, знаетъ ихъ. Конечно, въ обильной экономической литературѣ Россіи можно найти статьи, а, пожалуй, и книжки, написанныя «марксистами»: двѣ изъ нихъ, гг. Скворцова и Струве, даже надѣлали не мало шума. Вотъ это-то и есть изслѣдованія, замѣняющія тотъ трудъ, который начатъ былъ Марксомъ, и обосновывающія въ примѣненіи къ Россіи формулу транскапиталистической эволюціи промышленности! Затѣмъ многія другія изслѣдованія, вѣроятно, еще ожидаютъ очереди явиться въ свѣтъ. Быть можетъ, подобныя изслѣдованія находятся въ портфелѣ самого г. Бельтова, а въ одномъ изъ закоулковъ его головы—навѣрное. Такія изслѣдованія можно печь быстро, какъ блины, и какъ блины же—во всякое время. Народъ обезземеливается; вотъ одна ниточка—нанизывайте на нее факты. Община разлагается!—вотъ другая. Кустарная промышленность разрушается!—третья. Капиталистическая эксплуатація преуспѣваетъ—четвертая, и т. д., и т. д. Усѣхъ подобныхъ «изслѣдованій» обезпеченъ тѣмъ болѣе, что «субъективисты» собрали для этого массу матеріяловъ, а по нѣкоторымъ вопросамъ даже свели его воедино. Какое торжество,—побить противника его-же оружіемъ! Насколько выиграетъ доказательство, если авторъ, подобно г. Б., можетъ сказать: «разверните любое изслѣдованіе вашихъ-же единомышленниковъ, и оно покажетъ вамъ» и т. д. (с. 262)! И къ тому-же, «изслѣдованіе» не будетъ заключать ни одного противорѣчія: на ниточкѣ, напр., «обезземеленіе народа» или «разложеніе общины» не встрѣтится ни одного диссонирующаго факта! Не то, что у субъективистовъ, напр., у г. В. В., который въ своихъ книгахъ, въ родѣ «Судебъ капитализма въ Россіи» и «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи», «противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу». Да какъ, злодѣй, лопко противорѣчитъ: «при всей своей несомнѣнности и очевидности», эти противорѣчія «оставались незамѣтными для мно-

тихъ и многихъ читателей» (стр. 8), а критики, въ родѣ г. Бельтова, воздерживались отъ ихъ указанія, конечно, потому, что они и безъ того «очевидны».

Сказаннаго, намъ кажется, достаточно для разъясненія вопроса о томъ, насколько г. Б. понимаетъ теорію историческаго матеріализма съ ея методологической стороны.

В. В.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 3

ДЕКАБРЬ

1895.

Пров. 30

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія К. В. Скороходова (Надеждинская, 43).

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 3

ДЕКАБРЬ

1895.

3/10

Тирож. 50

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія П. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Старые подписчики „Нов. Слово", не продолжившіе подписку до 1 октября 1896 г., получатъ окончаніе романа „СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА" отдѣльными оттисками.

1895 г.—Декабрь № 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВОЛЧЬЯ СЫТЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы I—VI). **В. Немировича-Данченко.** . . . . . 1— 41
2. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ. Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ (**Н. Бельтовъ.** Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію). *(Окончаніе).* **В. В.** . . . . . 42— 77
3. ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. (Главы X — XV). *(Окончаніе).* Повѣсть **П. Засодимскаго** . . . . . 78—134
4. БЕССИ КОСТРЕЛЬ. *(Окончаніе).* Повѣсть эксцентрисъ **Гумфри Уордъ.** Пер. съ англійскаго . . . . . 135—155
5. ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ. **А. Серафимовича.** . . . . . 156—168
6. СЕРДЦЕ ЗАГОВОРИЛО. Новелла **Л. Весткирха.** Переводъ съ нѣмецкаго **О. Н. П.** . . . . . 169—180
7. МОЯ РОДНАЯ ТЕТУШКА САРА. (Разсказъ изъ еврейскаго быта). **Н. Пружанскаго** . . . . . 181—206
8. ПАДЕНІЕ БИРОНА. (По новымъ данными изъ разныхъ архивовъ). **А. Брикнера** . . . . . 207—225

9. ПО ПОВОДУ ОТЧЕТОВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА ЗА 1894 ГОДЪ. **Ив—ича.** 1— 16
10. БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). **Н. Энгельгардта** . . 17— 35
11. ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАННЪ. **Е. Дегена** . . . . . 36— 56

12. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Агрономія. Источники азота.—Основной и оборотный капиталъ почвы.—Превращеніе азота въ почвахъ.—Усвоеніе бобовыми атмосфернаго азота. Процессы аммонизаціи и нитрификаціи.—Почвенныя бактеріи и нитромонады.—Процентное содержаніе азота въ перегноѣ и кислотность почвъ.—Раціональное пользованіе нитрификаціей.—Значеніе обработки почвы.—Прививки азото-усвояющихъ бактерій почвѣ. Н. Э. . . . 57—71

13. НОВЫЯ КНИГИ: О. Петерсонъ. Семейство Бронте.—Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Перев. подъ редакціей П. И. Вейнберга, Вып. 1—3.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга десятая. Спб. 1895.—Гусли звончаты. Пѣсни, были и разныя стихотворенія Н. А. Панова. Спб. 1896 г.—В. К. Агафоновъ. Настоящее и прошлое земли. Спб. 1895 г.—Шевченко-Красногорскій. По Волгѣ и Каспію.—Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за 1880—1893 г. Составилъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб. 1895 г.—Д. П. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1895 г.—Русская школа. Училищевѣдѣніе. Педагогика. Методика. Составилъ директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи М. Т. Яблочковъ. Тула. 1895 г. . . . . 72—90

14. ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ. Л. О. . . . . 91—111

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Интересы дня. Поселяне-художники: скульпторъ Шапю и живописецъ Бретонъ.—Смерть Александра Дюма.—Независимая рабочая партія въ Англіи.—Христіанскіе соціалисты, соціалъ-демократы и фабіанцы.—Богатства Сѣв.-Американскихъ Штатовъ и свадьба герцога Мальборо. 112—123

II. Между журналами и газетами. . . . . 123—139

16. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 140

Земство и города. Я. Абрамова . . . . . 141—150

Школьный вопросъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи. А. Штевенъ. . . . . 150—162

Изъ юридической области. Казуистика крестьянскаго земельнаго права.—Давность и ея значеніе.—Примѣняется-ли давность въ крестьянской надѣльной землѣ?—Давность въ сферѣ: 1) мірского владѣнія и 2) подворнаго владѣнія.—Помѣщичій сервитутъ въ предѣлахъ крестьянской усадебной осѣдлости.—Уничтоженіе послѣдняго остатка временно-обязанныхъ отношеній. Д. Л. . . . . 162—178

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Н. Х.—Письмо изъ Кіева.—Изъ Тамбова. В. Чернова.—Изъ Саратова. Я. Бур—ка.—Выборгъ. Вл. Беренштама.—По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. . . . . 170—216

ОБО ВСЕМЪ. Баранчука . . . . . 217—228

17. ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ Комиссіи Спб. Комитета грамотности.

18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За редактора А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ НА РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію.

VI.

Нѣтъ, кажется, надобности долго останавливаться на томъ, что, по ученію историческаго матеріализма, въ основѣ юридическихъ, политическихъ и другихъ общественныхъ отношеній лежатъ отношенія экономическія, а сами экономическія отношенія складываются такъ, чтобы въ обществѣ получила преобладаніе та изъ намѣчаемыхъ жизнью формъ производительной силы, которая обезпечиваетъ ему возрастаніе матеріальнаго богатства. Въ числѣ средствъ, при помощи которыхъ одни экономическія отношенія, соотвѣтствующія отживающей производительной силѣ, замѣняются другими, отвѣчающими требованіямъ новой силы, фигурируютъ, между прочимъ, политическія. Въ каждый данный моментъ эти средства находятся въ распоряженіи экономически господствующаго класса, представляющаго ту производительную силу, которая въ свое время смѣнила силу, ей предшествовавшую и закрѣпила опредѣленную экономическую организацію. Когда данныя отношенія производства перестаютъ соотвѣтствовать новымъ условіямъ жизни, и «изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, превращаются въ препятствія для ихъ развитія, тогда наступаетъ эпоха общественнаго преобразованія»[1]), подготовляемаго постепеннымъ развитіемъ новыхъ производственныхъ отношеній и ведущаго, съ своей стороны, къ созданію новыхъ экономическихъ отношеній, новаго состава классовъ, новаго соотношенія между общественными силами. Спрашивается, какую роль играетъ господствующій классъ общества во время этого процесса перехода отъ одной формы общественной организаціи къ другой? Разъ въ его рукахъ находится власть, почему

[1]) Марксъ, цитировано по Бельтову, стр. 163.

онъ не закрѣпляетъ своего господства и дозволяетъ враждебному экономическому строю замѣнить тѣ порядки, которые служатъ основаніемъ его преобладанія?

Вопросъ «почему», съ точки зрѣнія экономическаго матерьялизма, не имѣетъ первенствующаго значенія, такъ какъ исходной точкой этого ученія служитъ мысль о томъ, что основными отношеніями въ обществѣ являются отношенія, диктуемыя условіями производства, къ которымъ приноровляется вся остальная надстройка общества. Поэтому, какъ только данныя политическія отношенія «перестаютъ соотвѣтствовать состоянію производительныхъ силъ, и превращаются въ препятствіе для ихъ дальнѣйшаго развитія, они начинаютъ клониться къ упадку» (Бельтовъ, с. 169). Что сказано о политическихъ отношеніяхъ, то приложимо и къ отношенію общественныхъ силъ, которыя образуютъ другую сторону того же явленія. Общественныя силы, соотвѣтствующія данному экономическому строю и потому господствующія, — разъ поддерживающій ихъ строй «изъ формы, содѣйствовавшей развитію производительныхъ силъ, превращается въ препятствіе для ихъ развитія» — также начинаютъ клониться къ упадку и замѣняются элементами, представляющими новую экономическую систему, постепенно замѣщающую старую и окончательно водворяющуюся вслѣдъ за перераспредѣленіемъ дѣйствующихъ силъ. Процессъ такого перераспредѣленія не всегда ведетъ къ этому послѣднему результату; но если представители новыхъ порядковъ не получаютъ преобладанія, общество обрекается на застой, а быть можетъ, и на гибель.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если вы желаете соціологически оцѣнить наблюдаемую въ обществѣ борьбу идей, представляющихъ двѣ системы экономической организаціи, то, въ качествѣ экономическаго матерьялиста, вы должны обратиться къ анализу экономической дѣйствительности и признать прогрессивной и имѣющей соціологически законныя права на побѣду ту систему идей, которая представляетъ экономическую структуру, обезпечивающую ростъ матерьяльныхъ богатствъ. При этомъ васъ не смутитъ то обстоятельство, что въ данный моментъ перевѣсъ общественной силы находится на противоположной сторонѣ: вы знаете, что прогрессъ иначе и не совершается, какъ путемъ постепеннаго нарастанія новой силы, и что особенной медленностью отличается «психологическая эволюція» (с. 176). Если, поэтому, вы встрѣтитесь съ человѣкомъ, который, выкинувъ знамя историческаго матерьялизма и ссылаясь на законъ классовой борьбы, будетъ пытаться ослабить новое теченіе глумленіемъ надъ его утопизмомъ, «непринимающимъ въ соображеніе эти

(существующія) общественныя силы, и воображающимъ, что ихъ дѣйствіе можетъ остановить по своему произволу та или другая группа лицъ, сильныхъ лишь прекрасными намѣреніями» (с. 276), вы ему отвѣтите, во-1-хъ, сожалѣніемъ, что онъ компрометируетъ экономическій матеріализмъ, апеллируя, какъ къ послѣдней инстанціи, къ политическому фактору, и предложите взамѣнъ этого обратиться къ анализу экономической дѣйствительности; во-2-хъ, упрекомъ въ томъ, что самую объективную систему міросозерцанія онъ отдалъ на службу отживающаго, хотя еще и господствующаго, порядка вещей; въ-3-хъ, удивленіемъ, какъ онъ не знаетъ того, что именуемое имъ «утопизмомъ» есть ничто иное, какъ совершенно законная, съ точки зрѣнія теоріи, идеализація, удесятеряющая силы человѣка въ борьбѣ за слабые пока ростки вполнѣ реальнаго, а не фантастическаго будущаго; не знаетъ, что «въ переходныя эпохи, когда существующая въ обществѣ система права не удовлетворяетъ нуждамъ общества, выросшимъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, передовая часть населенія можетъ и должна идеализировать новую систему учрежденій, болѣе соотвѣтствующую духу времени» (с. 155). Вы ему напомните, что этотъ новый, пока еще слабосильный, ростокъ имѣетъ значеніе какъ то, «въ чемъ зрѣетъ будущее» (с. 248), и что идеологію этого ростка слѣдуетъ оцѣнивать не съ точки зрѣнія ея вліянія на фактическія отношенія данной минуты, а по тому значенію, какое она имѣетъ въ качествѣ элемента, подготовляющаго будущее, въ качествѣ фермента, возбуждающаго новое движеніе, привлекающаго къ нему новыхъ дѣятелей. Словомъ, вашъ окончательный приговоръ будетъ тотъ, что воображаемый нами матеріалистъ, обрушившійся на одно изъ теченій общественной мысли, игнорируя его экономическіе корни, тѣмъ самымъ показалъ, что онъ не настолько усвоилъ это ученіе, чтобы самостоятельно примѣнить его для разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ современности.

Однимъ изъ такихъ неокончившихъ свое матеріалистическое образованіе марксистовъ представляется въ данномъ вопросѣ г. Бельтовъ. Пройдя успѣшно элементарный курсъ этого ученія, вынесъ изъ него понятіе о классовой борьбѣ, какъ о важномъ историческомъ факторѣ, но не связавъ этого явленія, относящагося къ поверхности общества, съ глубокими источниками историческаго процесса, коренящимися въ состояніи производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ имъ экономическихъ отношеній, г. Б., по свойственной ему самонадѣянности, рѣшилъ, что пройденный имъ курсъ достаточенъ для того, чтобы самостоятельно примѣнять ученіе. Обратившись затѣмъ къ оцѣнкѣ того, что

дѣлаетъ и какъ понимаетъ окружающее русская интеллигенція, онъ увидѣлъ прежде всего, что послѣдняя какъ бы игнорируетъ существующее распредѣленіе общественныхъ силъ, но зато усиленно налегаетъ на вопросъ о томъ, какъ отражается развитіе капиталистическихъ отношеній на настоящемъ нашей страны и что оно сулитъ ей, въ качествѣ производительной силы, въ ближайшемъ будущемъ. Не умѣя пока самостоятельно связать политику съ экономикой и не понимая, какое важное значеніе имѣетъ изслѣдованіе экономической эволюціи, г. Б. возмутился такимъ неправильнымъ, по его мнѣнію, распредѣленіемъ вниманія общества между разными сферами жизни и счелъ нужнымъ выразить свое неодобреніе тому, что разсужденія о законѣ экономическаго развитія Россіи «приняли по истинѣ ужасающіе размѣры» (с. 249). Воздавъ такимъ образомъ дань недовольства широкому распространенію среди русскаго общества интереса къ экономическимъ вопросамъ, г. Бельтовъ обратился къ оцѣнкѣ итоговъ изслѣдованія русской дѣйствительности съ точки зрѣнія судебъ ея экономической эволюціи.

Какъ извѣстно, въ послѣднія 15—20 лѣтъ, изъ числа мотивовъ, служившихъ для обоснованія нашихъ программъ, обратилъ на себя особое вниманіе и подвергся научной разработкѣ мотивъ историко-экономическій. Было-ли это отраженіемъ нѣмецкаго экономическаго матеріализма, или оно явилось результатомъ общихъ научныхъ вѣяній нашего времени, но только у насъ былъ совершенно опредѣленно поставленъ, въ качествѣ подлежащаго научной разработкѣ, вопросъ не о томъ лишь, какъ отражается развитіе капитализма въ Россіи на судьбѣ народной промышленности и на народномъ благосостояніи, но и о томъ, что несетъ побѣда капиталистическаго начала Россіи, какъ цѣлому; какія стороны экономическихъ отношеній по преимуществу принимаютъ у насъ капиталистическую форму; какъ отражается побѣда новаго теченія: 1) на отдѣленіи доходовъ мелкаго промысла отъ лицъ, представляющихъ послѣдніе; 2) на разобщеніи трудящагося съ орудіями его труда; 3) на организаціи освобождаемыхъ отъ средствъ производства работниковъ. Не проявляется-ли у насъ капитализмъ преимущественно въ формѣ эксплуататора мелкаго производителя и разрушителя мелкой промышленности, а не организатора высшей формы послѣдней; и если это такъ, то что представляетъ онъ въ Россіи въ качествѣ новой производительной силы: нѣчто положительное или отрицательное, обѣщающее ростъ продукціи или ея сокращеніе? Насколько обнаруживающееся преимущественно отрицательное проявленіе капитализма въ Россіи можетъ считаться явленіемъ скоропреходящимъ и на сколько

оно обусловливается международной экономической атмосферой, создаваемой, въ свою очередь, тѣми противорѣчіями, въ какія неизбѣжно попадаетъ капиталистическій строй при извѣстной высотѣ экстенсивнаго и интенсивнаго развитія? Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ выдвинутъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ измѣненія въ экономическихъ отношеніяхъ страны естественно отражаются на матерьяльномъ благополучіи классовъ привиллегированнаго общества, живущихъ доходами не отъ капиталовъ, а отъ разныхъ видовъ интеллигентнаго труда: увеличивается или уменьшается это благополучіе, вслѣдствіе распространенія капитализма, и на чью сторону, поэтому, естественно стать названному классу въ борьбѣ двухъ формъ жизни? Наконецъ, не оставленъ совершенно безъ вниманія и вопросъ о томъ, какое значеніе развитіе капиталистическихъ отношеній имѣетъ для финансовъ государства и какую позицію естественно занять въ этомъ дѣлѣ правительству, при правильномъ пониманіи интересовъ и своихъ собственныхъ, и своей страны?

Если вы, читатель, способны на минуту отрѣшиться отъ готовыхъ идеологій и шаблоновъ матерьялистическаго или идеалистическаго характера и отнесетесь къ вышеизложенной постановкѣ вопроса о судьбѣ историческаго развитія Россіи съ точки зрѣнія общаго плана и метода, принявъ при этомъ во вниманіе, что эта постановка сдѣлана не учеными—академиками, а людьми съ совершенно опредѣленной практической программой, то вы должны будете сказать, что лица, давшія указанную постановку вопроса, считаютъ: во-1-хъ, что экономическія отношенія суть важнѣйшія въ ряду отношеній общественной жизни; во-2-хъ, что изученіе направленія и характера эволюціи, принимаемыхъ обществомъ болѣе или менѣе стихійно, есть одно изъ важнѣйшихъ пособій для правильной оцѣнки обращающихся въ немъ программъ; въ-3-хъ, что характеръ экономической эволюціи не остается безъ вліянія на психологію культурныхъ классовъ и правительственныхъ лицъ. Соображая же, затѣмъ, что психологіей человѣка непосредственно опредѣляется и его поведеніе, а слѣдовательно, и принадлежность къ той или другой партіи, вы скажете, что разсматриваемый планъ изслѣдованія разсчитанъ на то, чтобы дать прочныя основанія для сужденія о той перетасовкѣ общественныхъ силъ, какая должна совершиться въ ближайшемъ будущемъ, о томъ, въ какомъ изъ существующихъ направленій общественной мысли «зрѣетъ будущее» и какія изъ нихъ обречены на отживаніе. Въ концѣ концовъ, вы скажете, что намѣченный планъ изслѣдованія направленія развитія Россіи есть планъ, соотвѣтствующій основному положенію ученія, извѣстнаго подъ именемъ экономическаго матерьялизма.

Работы, производившіяся по вышеизложенному плану, привели лицъ работающихъ къ заключенію, что капиталистическое начало въ Россіи, вмѣсто организаціи рабочаго населенія въ высшія формы труда, ведетъ лишь къ разрушенію той промышленности, какую наша страна получила въ наслѣдство отъ прошлаго, и что такое его вліяніе имѣетъ слѣдствіемъ застой въ національной продукціи или даже сокращеніе національнаго богатства, въ то время, какъ пріобщеніе страны къ участію въ прогрессивномъ развитіи цивилизованнаго міра требуетъ крайне настоятельно увеличенія производства матеріальныхъ благъ. Такъ какъ указанное вліяніе капитализаціи экономическихъ отношеній въ Россіи не представляется чѣмъ-то случайнымъ, а находитъ вполнѣ достаточное объясненіе въ условіяхъ международнаго капитализма и служитъ отраженіемъ критическаго положенія, къ коему приближается эта форма организаціи труда вообще, по несоотвѣтствію ея съ новыми производительными силами и новыми отношеніями, являвшимися результатомъ культурнаго развитія человѣчества, то регрессивное ея вліяніе на наше экономическое положеніе должно быть разсматриваемо, какъ прочное, а не скоропреходящее явленіе. Оно служитъ признакомъ того,—что эта форма организаціи не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ промышленный прогрессъ осуществляется въ Россіи, что вмѣсто «содѣйствія развитію производительныхъ силъ», что было ея задачей въ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра, развивавшихся при другихъ условіяхъ,—она «превращается въ препятствіе для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха общественнаго преобразованія». Вы можете считать такія заключенія недостаточно обоснованными, можете оспаривать ихъ и доказывать прямо противоположное, оставаясь на почвѣ экономическаго изслѣдованія; но — разъ существуютъ лица, находящія, что вышеизложенныя заключенія вытекаютъ изъ произведенныхъ изслѣдованій—въ качествѣ экономическаго матеріалиста, вы не можете ничего возразить, если эти выводы они положатъ въ основу своего общественно-политическаго міросозерцанія, или если они сдѣлаютъ изъ нихъ нѣкоторыя заключенія, касающіяся *экономически*-раціональной системы практической политики, т.-е. системы, находящейся въ соотвѣтствіи съ требованіями даннаго уровня развитія производительныхъ силъ, уже «вступившихъ въ противорѣчіе съ существующими отношеніями производства или, выражая то же самое юридическимъ языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ они развивались до сихъ поръ» [1]). Вы не можете возразить противъ

[1]) Марксъ, у Бильтова с. 163.

такого употребленія результатовъ экономическаго изслѣдованія, что проектируемая практическая система не получитъ всеобщаго примѣненія при существующемъ распредѣленіи силъ, и потому провозглашать ее—значитъ выставлять безцѣльную утопію. Вы знаете, что эта идея—не утопія, такъ какъ ею констатируется единственно мыслимый путь прогрессивнаго экономическаго развитія страны; это—*диктуемая историческими условіями* идея организаціи труда, подлежащая осуществленію въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ, упорствуя на прежнемъ пути и слѣдуя руководству дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ, страна обрекаетъ себя на неизбѣжный экономическій, а слѣдовательно, и культурный, застой. Поэтому, если выставляемая, повидимому, утопическая идея имѣетъ мало шансовъ на немедленное осуществленіе въ полномъ ея объемѣ, то ея общественное значеніе отъ этого нисколько не умаляется, такъ какъ современное ея назначеніе—служить средствомъ для «приспособленія психологіи общества къ экономіи будущаго» (с. 176), для объединенія новыхъ элементовъ, которымъ почти обязательно (съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма) должны уступить первое мѣсто элементы, преобладающіе въ настоящее время.

Но если экономическій матеріализмъ не признаетъ возможнымъ отвергать заключенія, находящіяся въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ производительныхъ силъ, ссылаясь на извѣстныя отношенія силъ политическихъ: если онъ не имѣетъ права заключеніе отъ политики противополагать выводу отъ экономики въ качествѣ отрицательнаго аргумента, то тѣмъ менѣе для него простительно основывать на той же системѣ аргументаціи утвержденія положительнаго характера. Если, поэтому, матеріалистъ приготовительнаго класса, игнорируя изслѣдованія экономической дѣйствительности, приводящія къ выводу о регрессивномъ вліяніи при данныхъ условіяхъ капиталистическаго начала,—откуда слѣдуетъ заключеніе, что пришло время замѣны этого начала ему противоположнымъ,—если этотъ матеріалистъ противопоставитъ такому утвержденію положеніе о томъ, что существующій капиталистическій строй будетъ благополучно развиваться, потому что равнодѣйствующая общественныхъ силъ находится на его сторонѣ, то онъ этимъ докажетъ, во-первыхъ, что онъ не матеріалистъ, а идеалистъ; во-вторыхъ, что въ философско-историческомъ отношеніи онъ стоитъ не на экономическомъ, а на политическомъ основаніи. Идеализмъ такого «матеріалиста» выражается въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ силою сознанія господствующей партіи измѣнить регрессивную эволюцію общества—обусловливаемую противорѣчіемъ господствующей экономической си-

стемы состоянію производительныхъ силъ — въ прогрессивную. Настаивая на этой возможности, нашъ матерьялистъ самъ того не вѣдая, становится на точку зрѣнія Дюринга, выдвинувшаго противъ системы экономическаго объясненія исторіи систему политическаго ея толкованія и объявлявшаго, что «первичнаго фактора слѣдуетъ искать въ непосредственной политической силѣ», что «политическое состояніе есть рѣшающая причина экономическихъ отношеній» и что «политическую группировку» нужно принимать «за самостоятельную и самодовлѣющую точку исхода, а не относиться къ ней, какъ къ средству для удовлетворенія потребностей желудка», разумѣя подъ этимъ выраженіемъ производительныя отношенія [1]).

На точкѣ зрѣнія недоучившагося марксиста стоитъ въ данномъ вопросѣ и г. Бельтовъ. Правда, когда онъ воюетъ съ народниками неэкономистами, онъ согласно съ принципами исповѣдываемаго имъ ученія, но несогласно съ дѣйствительностью заявляетъ: «если гг. субъективисты хотятъ разсуждать съ нами по вопросу о томъ, куда и какъ идетъ Россія, то они въ каждую данную минуту должны исходить изъ анализа *экономической дѣйствительности*». «Русскіе ученики Маркса руководствуются... не формулой прогресса, а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны» (стр. 255). Когда же онъ встрѣтился съ г. Н. —ономъ, произведшимъ критическую оцѣнку экономической политики Россіи послѣдняго тридцатилѣтія и указавшимъ на раціональную систему политики, диктуемую современнымъ состояніемъ производительныхъ силъ—при чемъ и то, и другое было у него непосредственнымъ выводомъ изъ анализа экономической дѣйствительности,—г. Б. не только не противопоставилъ его анализу экономическихъ изслѣдованій «русскихъ учениковъ», но перескочилъ на политическую почву и набросился на автора за то, что въ своей соціологической критикѣ нераціональной экономической программы онъ пользовался аргументами не политическаго, а экономическаго характера. Этимъ г. Б. заявляетъ, что считаетъ въ порядкѣ вещей при оцѣнкѣ достоинства пирога обращаться къ методамъ сапожнаго искусства, а сужденіе о качествѣ сапогъ производить съ точки зрѣнія кулинарной. Самъ онъ поступаетъ именно подобнымъ образомъ, когда для разнесенія г. Михайловскаго обращается къ экономикѣ, а для пораженія г. Н. —она—къ политикѣ. Такой пріемъ очень удобенъ для критика, нечувствующаго себя хозяиномъ ни въ той, ни въ другой области знанія: гдѣ силой взять нельзя, тамъ нужно полукавить,

1) См. объ этомъ, напр., у Н. Зибера.

Чтобы придать своему лукавству видъ силы, г. Бельтовъ приравниваетъ разсужденія г. Н. —она къ утопическимъ фантазіямъ соціалистовъ начала XIX в., а такъ какъ онъ не можетъ не видѣть, что первый находится въ соотвѣтствіи съ экономическимъ ходомъ вещей, то онъ счелъ удобнымъ кое-какъ связать съ экономическими отношеніями своего времени и утопіи соціалистовъ.

Въ подтвержденіе своей мысли о возможности для Россіи измѣнить направленіе экономическаго развитія, г. Н. —онъ, между прочимъ, приводитъ изъ Маркса слѣдующую цитату: «средства для этого не должны быть изобрѣтаемы головой, но помощью мысли они должны быть найдены въ наличныхъ матерьяльныхъ условіяхъ производства». Въ отвѣтъ на эту цитату, г. Б. пишетъ: «можно-ли сказать, что планы Фурье противорѣчили «матерьяльнымъ условіямъ» современнаго ему производства? Нѣтъ, не только не противорѣчили, но цѣликомъ основывались на этихъ условіяхъ. Но это не помѣшало Фурье быть утопистомъ, потому что, разъ обосновавъ свой планъ «съ помощью мысли» на матерьяльныхъ условіяхъ современнаго ему производства, онъ не сумѣлъ приурочить къ тѣмъ же условіямъ его осуществленіе и потому совершенно безъ толку пристегалъ съ «великой задачей» къ такимъ общественнымъ слоямъ и классамъ, которые въ силу тѣхъ же матерьяльныхъ условій не имѣли ни склонности браться за ея рѣшеніе, ни возможности рѣшить ее. Г. Н. —онъ грѣшитъ этимъ же грѣхомъ столько же, сколько и Фурье» (стр. 58).

Итакъ, ошибка Фурье, проектировавшаго свои фаланстеры, относилась къ категоріи ошибокъ не экономическаго, а политическаго характера. Напрасно утверждаютъ, что названный мыслитель погрѣшилъ въ своихъ построеніяхъ противъ законовъ экономической эволюціи, что онъ былъ утопистомъ не столько съ политической, сколько съ экономической точки зрѣнія. По мнѣнію г. Бельтова, онъ правильно, т.-е. соотвѣтственно современной ему экономической дѣйствительности, построилъ свою программу, но обратился съ проповѣдью не туда, куда слѣдуетъ: сдѣлалъ политическую ошибку. А еслибы онъ опершся на рабочій классъ, то соціалистическая утопія обратилась бы уже въ дѣйствительность. Такой взглядъ на законосообразность историческихъ явленій и на отношеніе между экономіей и политикою кажется недвусмысленно говорить о томъ—къ Марксу или Дюрингу ближе по своимъ воззрѣніямъ этотъ новоиспеченный матерьялистъ.

VII.

Самъ г. Б. думаетъ, конечно, что онъ настоящій марксистъ и неоднократно заявляетъ, что самъ М. не считалъ возможнымъ

разсматривать экономическую эволюцію изъ связи ея съ распредѣленіемъ общественныхъ силъ (напр., с. 275). При этомъ онъ воздерживается отъ разъясненія по одному обстоятельству: при столкновеніи требованій экономическаго развитія съ дѣйствіемъ господствующихъ силъ—а такое столкновеніе обнаруживается при всякомъ шагѣ націи впередъ по пути экономическаго развитія—что чему по М. уступаетъ мѣсто: первое второму или наоборотъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ и тотъ методъ, какимъ вы должны идти при выясненіи вопроса о судьбѣ экономической эволюціи данной страны. Если ходъ экономическихъ дѣлъ опредѣляется политическими явленіями, то къмъ слѣдуетъ обратить главное вниманіе на распредѣленіе силъ и на программу господствующей партіи и отъ этихъ политическихъ данныхъ, какъ первичныхъ, строить заключенія экономическаго характера. Если же вы считаете, что политическія отношенія способствуютъ къ экономическимъ, что они служатъ однимъ изъ средствъ осуществленія требованій, диктуемыхъ развитіемъ производительныхъ силъ, и что противодѣйствіе этимъ требованіямъ со стороны наличныхъ силъ поведетъ не къ уничтоженію требованій, а къ такому перераспредѣленію общественныхъ элементовъ, которое обезпечитъ ихъ осуществленіе, то при теоретическомъ трактованіи вопросовъ экономическаго развитія данной страны и при формулированіи задачъ, какія исторія ставитъ ближайшему будущему, вы не только можете, но и должны позабыть о политикѣ и оставаться всецѣло на почвѣ экономики. Необходимость обращенія къ вопросу о дѣйствующихъ общественныхъ силахъ явится тогда, когда выводы ученаго экономиста будутъ примѣняться на практикѣ. Вѣрнѣе говоря, эту необходимость испытываетъ не изслѣдователь-экономистъ, а практическіе дѣятели того-же направленія. Но ихъ обращеніе къ учету дѣйствующихъ силъ имѣетъ цѣлью не разрѣшеніе вопроса о томъ, принимать или нѣтъ основную идею экономической программы, вытекающую изъ произведеннаго изслѣдованія: если послѣднее поставлено правильно, то эта идея и эта программа диктуются неумолимыми отношеніями матерьяльнаго характера. Они изучаютъ общественныя силы съ тѣмъ, чтобы знать, *въ какой мѣрѣ* и формѣ данная программа подлежитъ осуществленію въ настоящій моментъ,—отъ чего зависитъ практическая постановка этого вопроса,—и къ какимъ элементамъ нужно преимущественно обращаться съ разъясненіями для того, чтобы обезпечить болѣе послѣдовательное проведеніе этой программы въ ближайшемъ будущемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что программа данныхъ направленія естественно должна распадаться на двѣ части:

экономическую и политическую (въ вышесказанномъ смыслѣ воздѣйствія на сознаніе различныхъ общественныхъ группъ), и вы могли бы предъявить ему упрекъ въ утопизмѣ, непрактичности и т. п., и въ игнорированіи механизма историческаго процесса, еслибы оно совершенно упразднило вторую задачу, поставивъ себѣ единственной цѣлью добиваться осуществленія экономическихъ преобразованій въ атмосферѣ, недопускающей широкой постановки этого рода вопросовъ, или еслибы самому экономическому вопросу оно дало постановку, совершенно несоотвѣтствующую наличному состоянію общественныхъ и культурныхъ силъ, вслѣдствіе чего эта часть программы вовсе оставалась бы безъ практическаго осуществленія. Но съ такого рода обвиненіями слѣдуетъ обращаться не къ кабинетному ученому, имѣющему задачей намѣтить общую цѣль движенія, а къ тѣмъ лицамъ, которыя берутъ на себя указаніе средствъ для достиженія этой цѣли. На сколько въ первомъ отношеніи требуется широта и даже абстрактность въ постановкѣ вопроса, настолько во второмъ необходимо дать предмету конкретную форму, соотвѣтствующую обстоятельствамъ переживаемаго момента.

Г. Н. —онъ явился съ своей книгой не какъ практическій дѣятель, а какъ кабинетный ученый, съ живымъ, однако, общественнымъ интересомъ. Дѣлая свои выводы, онъ заботился, поэтому, не о приданіи имъ практическаго характера, а о сохраненіи ихъ логической связи съ посылками. Поступая такимъ образомъ, онъ не только остается на научной почвѣ—не выходя въ окончательныхъ заключеніяхъ изъ рамокъ изслѣдованія, имѣющаго строго экономическій характеръ,—но и способствуетъ болѣе правильной практической постановкѣ вопроса, давая практическимъ дѣятелямъ ничѣмъ неосложненную научную идею и предоставляя имъ самимъ одѣвать ее въ плоть и кровь современной дѣйствительности. Правда, г. Н. —онъ, производя изслѣдованіе исключительно капиталистическаго теченія въ нашей экономической жизни, далъ своимъ выводамъ ненадлежащее, по моему мнѣнію, распространеніе, и несоотвѣтствующую соціальную форму, на что мы и указывали [1]); но примѣненіе къ нему термина «утопическій», сдѣланное г. Б., относится не къ этой только сторонѣ, а къ общей идеѣ его заключенія — идеѣ о необходимости для Россіи развитія народнаго, а не капиталистическаго производства, раздѣляемой съ нимъ цѣлымъ направленіемъ нашей общественной мысли. Такое обвиненіе г. Н. —она съ научной точки зрѣнія незаконно; его можно предъявить къ практическимъ дѣятелямъ, если они того заслуживаютъ, да къ такимъ писателямъ, берущимъ на себя

[1]) Очерки теоретической экономіи, IV.

приспособленіе экономической идеи народничества къ данной обстановкѣ, какъ г. Гофштеттеръ предлагающій народничеству позабыть объ идеалахъ неэкономическаго характера и о самостоятельной общественной работѣ [1]). Этотъ совѣтъ относительно способа дѣйствія сдѣланъ безъ надлежащей оцѣнки конкретной обстановки русской дѣйствительности, т.-е. съ нарушеніемъ элементарнаго требованія всякаго практическаго дѣла, и потому съ практической и соціологической точки зрѣнія подлежитъ осужденію и, быть можетъ, квалификаціи, какъ утопическій, несправляющійся съ существующими отношеніями.

И такъ, пріемъ г. Н. —онъ, заключающійся въ постановкѣ очередныхъ экономическихъ задачъ на основаніи изученія развитія производительныхъ силъ и оцѣнки отношенія, въ какомъ къ требованіямъ этихъ послѣднихъ находится существующая экономическая структура—съ точки зрѣнія гипотезы экономическаго матеріализма—есть пріемъ правильный. Поэтому, для опроверженія его вывода о необходимости способствовать прогрессивному развитію экономическихъ отношеній въ Россіи на основѣ не капиталистическаго характера надлежитъ апеллировать къ экономикѣ и доказать, что нарисованный авторомъ путь капиталистической эволюціи промышленности въ нашей странѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что здѣсь наблюдаются явленія прямо противоположнаго характера. Т.-е. на изслѣдованіе надлежало бы отвѣтить изслѣдованіемъ же, а такъ какъ это дѣло гораздо болѣе трудное, нежели примѣненіе «готоваго шаблона для выкраиванія историческихъ фактовъ», то г. Б. предпочелъ первому второе, и сложный вопросъ о судьбѣ экономическаго прогресса Россіи разрѣшилъ простой *ссылкой* на существующее распредѣленіе общественныхъ силъ. Эта грубая, чтобъ не сказать больше, махинація, сдѣланная вопросу, конечно, не произвела бы никакого эффекта. И вотъ, чтобы придать ей побѣдоносный характеръ, г. Б., по обыкновенію, уснастилъ ее жестокими словами, восклицательными выраженіями и непрестаннымъ воззваніемъ къ Марксу. При этомъ онъ до того увлекается принятой на себя ролью грознаго стража чистоты воззрѣній названнаго мыслителя и проникается вѣрой въ свою въ этомъ отношеніи непогрѣшимость, что забываетъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и рѣшается сослаться на опредѣленные документы для доказательства своего утвержденія, что М. думаетъ по данному вопросу то же самое, что и г. Б.

Разъясняя г. Михайловскому смыслъ извѣстнаго письма М. (въ чемъ первый, конечно, нисколько не нуждается) и предполагаемые имъ мотивы его написанія (еще менѣе нуждается въ

[1]) «Доктринеры капитализма». Спб. 1895.

этомъ М.), г. Б., между прочимъ, говоритъ: «Русскій молодой писатель жаловался, что М. приговариваетъ Россію къ капитализму. Надо было писателю показать, что діалектическій матеріализмъ никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, что онъ не указываетъ пути, общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; что дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда зависитъ *отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его* и что поэтому всякому серьезному человѣку надо, не гадая и не пари по поводу какой-то фантастической «обязательности» *изучить прежде всего это соотношеніе*: только такое изученіе можетъ показать, что «обязательно» и что «необязательно» для даннаго общества. Маркесъ *такъ и сдѣлалъ*» (с. 252—3).

Прочтя эти строки, читатель подумаетъ, что въ помянутомъ письмѣ находится развитіе излюбленной г. Б. идеи о соотношеніи общественныхъ силъ, какъ объ окончательной причинѣ того или иного направленія экономическаго развитія, и что съ этой точки зрѣнія оцѣнивается въ нихъ и экономическая судьба Россіи. Какою же будетъ удивленіе тѣхъ изъ читателей, которые не проникли въ наиболѣе употребительный у г. Б. методъ пораженія своихъ враговъ и защиты друзей, — методъ, заключающійся въ извращеніи и передержкахъ,—если они узнаютъ, что въ цитируемомъ письмѣ нѣтъ ни одного слова о соотношеніи общественныхъ силъ, и что въ своемъ заключеніи о будущемъ Россіи М. стоитъ на одинаковой почвѣ съ г. Н. — онъ и нѣкоторыми другими писателями того же направленія, а не съ Б. Чтобы убѣдиться въ этомъ—достаточно прочесть нижеслѣдующія цитаты.

«Если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 г., то она лишится самаго прекраснаго случая, *который когда-либо представлялъ народу исторія*, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя. Но вмѣсто того, чтобы твердо держаться ея вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ, унаслѣдованный ею; вмѣсто того, чтобы пользоваться пріобрѣтеніями западно-европейской науки и приложить ихъ для развитія формы промышленности, основанной на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства; вмѣсто того, чтобы воспользоваться не формою производства, а самою его организаціею, какою она является въ Западной Европѣ... вмѣсто всего этого Россія стала на путь совершенно противоположный. Она не только не воспрепятствовала развитію капиталистическихъ формъ производства, но всѣми

силами старались содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни, ломкѣ,—приведшей къ голоду 1891 г.».

Предлагаю читателю не время позабыть, кому принадлежатъ эти выписки, внимательно прочесть ихъ и отвѣтить на вопросъ: замѣчаетъ-ли онъ противорѣчіе между первой фразой и послѣдующими и не составляетъ-ли, напротивъ того, вся эта цитата развитія одной мысли, заключающейся въ томъ, что изъ двухъ *представляющихся ей открытыми* путей экономическаго развитія, Россія послѣ реформы, къ своему несчастію, избрала тотъ, по которому пошли ея западные сосѣди? Первая фраза взята изъ письма М., остальныя приведены г. Б. (с. 56—7) изъ книги г. Н. —она для посрамленія этого изслѣдователя въ томъ, что онъ «печалуется» по поводу принятаго Россіей пути развитія и разсматриваетъ его, какъ «ошибку», рекомендуя обществу приступить къ ея исправленію. Не знаемъ, находилъ-ли М. возможнымъ исправить нынѣ ошибку Россіи: думаемъ, что онъ не считалъ себя достаточно компетентнымъ для рѣшенія этого вопроса. Но кто безъ предубѣжденія прочтетъ первую фразу цитаты, тотъ, надѣюсь, согласится, что она даетъ основаніе квалифицировать принятое Россіей направленіе развитія, какъ «ошибку», и во всякомъ случаѣ усмотритъ въ ней «печалованіе» о томъ, что Россія лишилась «прекраснаго» случая избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя. Такимъ образомъ, отношеніе М. къ указанному явленію ближе къ тому, какое проявляетъ г. Н. —онъ, а не г. Б. Посмотримъ, не поддержитъ-ли первый послѣдняго въ вопросѣ о методѣ, какимъ надлежитъ идти для того, чтобы указать соціологически болѣе раціональный путь экономическаго развитія Россіи.

Г. Б. утверждаетъ, что этотъ методъ заключается въ простой ссылкѣ на существующее соотношеніе общественныхъ силъ, даже безъ ближайшаго анализа этого соотношенія, безъ какого-либо подобія изслѣдованію о происхожденіи и соціологическихъ корняхъ этихъ силъ. Г. Н. —онъ фактически показалъ, что такимъ методомъ онъ считаетъ изслѣдованіе направленія развитія *экономическихъ* отношеній и вліянія, оказываемаго имъ на состояніе производительныхъ силъ. Какимъ же путемъ шелъ М., желая выяснить вопросъ о вѣроятномъ направленіи экономической исторіи Россіи? Онъ, конечно, не удовольствовался бы тѣми понятіями о предметѣ, какія составляются въ человѣкѣ, наблюдающемъ жизнь à vol d'oiseau, что считается достаточнымъ для предсказанія соціальныхъ явленій г. Б. Исходилъ-ли онъ изъ политической точки зрѣнія или экономической —въ обоихъ случаяхъ онъ счелъ бы для себя обязательнымъ произнести приговоръ не

иначе, какъ послѣ предварительнаго изслѣдованія. Какое же изслѣдованіе Россіи счелъ нужнымъ произвести и на него сослался, какъ на основу для заключенія, М.: политическаго, какъ утверждаетъ г. Б., или экономическаго характера? Объ этомъ мы узнаемъ изъ его же письма. «Чтобы имѣть возможность судить съ знаніемъ дѣла объ *экономическомъ* развитіи Россіи, я научился по-русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Я пришелъ къ такому выводу...» затѣмъ слѣдуетъ первая фраза вышеприведенной цитаты. Что же касается вопроса о соотношеніи общественныхъ силъ внутри Россіи въ эпоху реформы или въ послѣдующее время—въ письмѣ М. нѣтъ объ этомъ ни слова, почему мы не можемъ сказать, изучалъ онъ это соотношеніе или нѣтъ. Мы видимъ одно: если онъ и производилъ это изученіе, то считалъ его второстепеннымъ для дѣла и въ обращеніи къ читателю, какъ на матеріалы для своего заключенія, сослался на источники экономическихъ, а не политическихъ данныхъ.

И такъ, М. и г. Н. —онъ въ вопросѣ о судьбѣ экономическаго развитія Россіи идутъ по одному пути, отличному отъ того, которому слѣдуетъ г. Б. (если у послѣдняго есть какой-либо иной путь, кромѣ болтовни въ свою собственную славу),—по пути экономическаго изслѣдованія, при чемъ выводы г. Н. —они, относясь къ послѣдующему моменту, служатъ какъ бы естественнымъ продолженіемъ заключеній М. относительно предшествующаго времени. М. говоритъ, что въ эпоху реформы Россія имѣла прекрасный случай пойти по пути развитія, отличному отъ капиталистическаго; г. Н. —онъ продолжаетъ, что Россія уклонилась отъ слѣдованія этому пути и попала въ прескверное положеніе. Если, согласно М., Россія 30 лѣтъ назадъ могла избрать путь некапиталистической эволюціи, не смотря на то, что ей открывалось, по-видимому, два пути прогрессивнаго развитія; то теперь, когда одинъ изъ этихъ путей оказывается ведущимъ къ производительному регрессу,—путь некапиталистической эволюціи есть единственный, указываемый исторіей, какъ путь прогресса, а не застоя. Если, поэтому, авторъ «письма», не переставая быть марксистомъ, могъ допустить возможность уклоненія Россіи отъ направленія развитія Западной Европы въ то время, когда слѣдованіе по стезѣ капитализма рисовало перспективы все-таки прогрессивнаго характера, то тѣмъ болѣе совмѣстимо со званіемъ марксиста настаивать на необходимости некапиталистической эволюціи теперь, когда считается выяснившимся вопросъ о невозможности прогрессивнаго развитія страны подъ руководствомъ капитала. Оба автора согласны и во взглядѣ на значеніе, какое

можетъ имѣть для разрѣшенія даннаго вопроса существующее соотношеніе общественныхъ силъ. М. считалъ лишнимъ обращать вниманіе на соотношеніе этихъ силъ въ эпоху реформы, хотя, конечно, зналъ не хуже г. Б., что трудящаяся масса не имѣла тогда сколько-нибудь замѣтнаго общественно-политическаго вліянія. Поступалъ онъ такимъ образомъ не потому, что совершенно отрицалъ значеніе этого фактора, а, вѣроятно, считая, что вопросъ о вліяніи экономіи на соотношеніе общественныхъ силъ не достаточно разработанъ. Во всякомъ случаѣ, односторонній характеръ наличныхъ силъ въ Россіи въ эпоху реформы М. не считалъ непреоборимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы экономическое развитіе ея приняло направленіе, отличное отъ западно-европейскаго. Тѣмъ болѣе права имѣется для подобнаго же заключенія относительно настоящаго момента, когда соотношеніе силъ, вслѣдствіе измѣненія сословнаго характера культурнаго класса и т. п., несомнѣнно окрасилось болѣе демократическимъ цвѣтомъ, чѣмъ это было 30—40 лѣтъ назадъ.

VIII.

Мы только-что познакомились съ тѣмъ, какъ г. Б., встрѣтившись съ однимъ изъ многочисленныхъ изслѣдованій на тему о судьбѣ русской промышленности и не имѣя достаточно ресурсовъ для того, чтобы экономическому изслѣдованію противопоставить экономическую же критику, вильнулъ въ сторону политики, не постыдившись при этомъ приписать письму своего учителя мысли, прямо противоположныя тѣмъ, которыя въ немъ заключаются. Употребивъ этотъ, обычный для него, пріемъ пораженія противниковъ, приправивъ его, по своему же обыкновенію, руганью и насмѣшками, составляющими чуть-ли не главную силу критики г. Б., нашъ авторъ не могъ, однако, не видѣть того, что какой бы эффектъ ни произвелъ этотъ аргументъ въ рядахъ слѣпыхъ послѣдователей проводимой имъ тенденціи, болѣе мыслящій читатель сочтетъ его не совершенно достаточнымъ, такъ какъ и насмѣшки, и соображенія отъ политики не уничтожатъ экономическаго содержанія изслѣдованія г. Н. —она, приводящаго къ заключенію о регрессивномъ характерѣ капиталистической производительной силы въ Россіи; а такое заключеніе способно уничтожить всю аргументацію г. Б. Поэтому, послѣдній, volens-nolens, увидѣлъ себя въ необходимости посчитаться и съ экономическими соображеніями своихъ «дорогихъ и уважаемыхъ соотечественниковъ», а какъ тутъ считаться, когда и «факты», и «точка зрѣнія» раньше заняты противниками! За

неимѣніемъ прямыхъ аргументовъ, остается выставить косвенныя улики. Къ этому пріему и обратился г. Б.

Задачей нашего автора сдѣлалось показать, что выводы, къ которымъ приходятъ изслѣдователи экономической эволюціи Россіи, не составляютъ ихъ единственнаго достоянія, а были высказаны по отношенію къ Германіи еще 50 лѣтъ тому назадъ. И такъ какъ, не смотря на это, названная страна успѣшно слѣдуетъ по стопамъ капитализма, то такое же шествованіе обезпечено и для нашего отечества.

Г. Б. разъясняетъ, что въ 40-хъ гг. въ Германіи наблюдался рядъ тѣхъ же явленій, наличность которыхъ въ современной Россіи даетъ поводъ русскимъ «утопистамъ» отрицать нашъ преуспѣвающій капитализмъ. Кустарная промышленность падала подъ ударами машиннаго производства, мелкіе производители попадали въ руки скупщиковъ, кулакъ сдѣлался полнымъ господиномъ деревни, нищенство обратилось въ родъ отхожаго промысла и т. д. Для объясненія этихъ явленій Бузенъ тогда были высказаны взгляды, повторяемые современными утопистами въ Россіи. Въ «интересной брошюрѣ» (замѣтьте, читатель, въ Германіи—*брошюрѣ*, а въ Россіи непрерывающійся въ теченіе 20 лѣтъ рядъ самыхъ разнообразныхъ экономическихъ *изслѣдованій*!) онъ разъяснялъ—а его русскіе alter ego повторяютъ—что описанное положеніе дѣлъ явилось слѣдствіемъ введенія капиталистами машинъ, относительнаго вытѣсненія ими рабочихъ рукъ, привлеченія на фабрики женщинъ и дѣтей, послѣдовавшаго за этимъ пониженія заработной платы и переполненія рынка товаромъ. Все это какъ по Марксу написанное (а въ Россіи оно и дѣйствительно писалось по М.) объясненіе считается г. Б., вѣроятно, ужасно нелѣпымъ—иначе ему незачѣмъ было совпаденіе въ этомъ отношеніи мнѣній современныхъ русскихъ и старыхъ нѣмецкихъ писателей приводить какъ аргументъ въ пользу «утопическаго» неосмысленія первыхъ.

Дальнѣйшее совпаденіе взглядовъ русскихъ и нѣмецкихъ «утопистовъ» заключается въ томъ, что и тѣ, и другіе не считали возможнымъ расширеніемъ внѣшняго рынка для продуктовъ своей страны облегчить внутренній рынокъ отъ переполненія товаромъ и приходили къ заключенію, что этимъ самымъ ставятся опредѣленныя границы дальнѣйшему развитію капитализма и что настоитъ необходимость въ примѣненіи организаціи національнаго труда на началѣ некапиталистическомъ. «Исторія смела иллюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ. *Есть всѣ основанія думать*, что подобная же участь постигнетъ и иллюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насмѣялся надъ пер-

ными: *съ болью въ сердцѣ* (и весельемъ въ устахъ!) предполагаетъ, что онъ насмѣется и надъ нами» (с. 277).

Въ чемъ заключается коренная ошибка разсужденія русскихъ и нѣмецкихъ утопистовъ и какія такія «основанія» имѣются у г. Б. для заключенія, что русскій капитализмъ благополучно преодолѣетъ столицѣ на пути его преграды — намъ неизвѣстно. Въ этомъ капитальномъ вопросѣ г. Б., не отличающійся вообще сдержанностью языка, весьма благоразумно наложилъ на свои уста печать молчанія. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ онъ чуточку проговорился, и это даетъ намъ возможность отъ системы косвенныхъ уликъ перевести строгаго, но недостаточно сдержаннаго обвинителя на путь прямыхъ доказательствъ.

«Буль не признавалъ, *повидимому*, возможности завоеванія нѣмцами иностранныхъ рынковъ; г. Н. —онъ *рѣшительно* не признаетъ этой возможности по отношенію къ русскимъ промышленникамъ. Наконецъ, и у того, и у другого этотъ вопросъ объ иностранныхъ рынкахъ остается совершенно неизслѣдованнымъ; ни тотъ, ни другой не приводятъ въ пользу своего мнѣнія ни одного серьезнаго довода» (с. 272).

Какъ видно изъ приведенной фразы, г. Б. вмѣстѣ съ «утопистами», въ вопросѣ о судьбѣ капитализма, придаетъ рѣшающее значеніе внѣшнему рынку и обвиняетъ гг. Буля и Н. —она лишь въ томъ, что они «не приводятъ ни одного серьезнаго довода въ пользу своего мнѣнія» о невозможности для представляемыхъ ими странъ завоевать внѣшній рынокъ, достаточный для укрѣпленія ихъ молодого капитализма. Въ интересахъ справедливости мы отведемъ это возраженіе отъ Буля: самъ г. Бельтовъ не увѣренъ въ томъ, признавалъ-ли тотъ эту возможность или нѣтъ («не признавалъ, *повидимому*»), а такъ какъ косвенныя улики г. Б. на сей разъ не приводятся, то этимъ самымъ одинъ изъ подсудимыхъ освобождается отъ отвѣтственности. А если такъ, если утвержденіе объ отсутствіи внѣшнихъ рынковъ для сбыта товаровъ внутренняго производства лежитъ обвиненіемъ лишь на русскихъ «утопистахъ» и если въ этомъ утвержденіи кроется суть вопроса о судьбѣ капитализма въ Россіи, то спрашивается, какъ можно было русскихъ «утопистовъ» сблизить съ нѣмецкими? Общее между ними, во-1-хъ, объясненіе причинъ бѣдственнаго положенія народа, въ чемъ они сходятся не только между собой, но и со всѣми экономистами-марксистами и немарксистами; во-2-хъ, экономическая программа. Громадное же различіе между ними заключается въ томъ, что нѣмцы выставляютъ эту программу, не разрѣшивши вопроса о томъ, на сколько капиталистическое производство Германіи имѣетъ шансы расчистить путь

своего развитія сбытомъ своихъ издѣлій на внѣшніе рынки, а русскіе защищаютъ подобную программу въ то время, какъ «есть всѣ основанія думать», что Россія не пріобрѣтетъ внѣшняго рынка, сколько-нибудь соотвѣтствующаго потребностямъ ея капитализма.

Но дѣйствительно-ли есть «всѣ основанія думать», что въ отношеніи внѣшнихъ рынковъ для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности Россія 90-хъ годахъ поставлена совершенно иначе, нежели Германія 40-хъ, и что если, поэтому, «капитализмъ посмѣялся» надъ нѣмецкими его антагонистами, изъ этого не слѣдуетъ, что «онъ насмѣется» и надъ русскими «утопистами»? Дѣйствительно-ли мнѣніе г. Н. —она о безпочвенности русскаго капитализма виситъ на воздухѣ?

Такъ какъ аргументы «дорогихъ соотечественниковъ» г. Б. отскакиваютъ отъ него, какъ отъ стѣны горохъ, то мы по данному вопросу заставимъ бесѣдовать съ нимъ иностранцевъ, къ рѣчамъ которыхъ, надѣемся, онъ отнесется внимательнѣе. «Крупная промышленность,—говоритъ одинъ изъ такихъ иностранцевъ,—*по всему свѣту гонящаяся за потребителями*, доводитъ у себя дома потребленіе рабочихъ массъ до ничтожнаго минимума и такимъ образомъ *подрываетъ свой собственный рынокъ*» (Энгельсъ). Что касается второй половины приведенной мысли—подрыванія капитализмомъ своего собственнаго внутренняго рынка—эту миссію онъ съ успѣхомъ выполняетъ всюду, и въ Россіи, напр., можетъ быть, даже еще лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Иное слѣдуетъ сказать о погонѣ за всесвѣтнымъ потребителемъ. Погоня эта становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ большее число странъ привлекается къ капиталистическому производству, чѣмъ больше, слѣдовательно, наростаетъ число гонящихся. А въ этомъ отношеніи конецъ XIX в., т.-е. моментъ когда въ погоню за внѣшнимъ потребителемъ пускается и русскій капитализмъ, радикально отличается отъ средины столѣтія, когда на этотъ путь выступила Германія. «До 40-хъ годовъ нашего столѣтія,—говоритъ другой небезизвѣстный г. Б. иностранецъ,—капиталистическая фабричная промышленность за предѣлами Англіи имѣла незначительное распространеніе; въ 50-хъ годахъ она получила сильное развитіе во Франціи; въ 60-хъ и особенно въ 70-хъ годахъ она завоевала Соединенные Штаты, Германію и Австрію. Въ послѣднемъ десятилѣтіи она пустила корни даже въ Россіи, въ Индостанѣ и въ Австраліи и уже начинаетъ проникать въ Восточную Азію, Южную Африку и Южную Америку». Такимъ образомъ, крупное капиталистическое производство стремится распространиться на весь цивилизованный и полуцивилизованный міръ; а такъ какъ

каждая страна, обратившая на себя благосклонное вниманіе капитализма, начинаетъ съ того, что запираетъ свой рынокъ для иностранцевъ, а продолжаетъ тѣмъ, что начинаетъ сама толкаться въ полузакрытыя двери чужихъ рынковъ, то всякое новое завоеваніе капитализма равносильно увеличенію спроса на внѣшніе рынки и сокращенію предложенія таковыхъ. «Расширеніе рынка въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій туго подвигается впередъ», продолжаетъ цитируемый нами иностранецъ. «Теперь остались незавоеванными почти только такіе рынки, на которыхъ надо тѣмъ можно поживиться, помимо лихорадки да... колотушекъ». «Словомъ, приближается, повидимому, моментъ, когда рынокъ европейской промышленности не только перестанетъ расширяться, а начнетъ даже сокращаться. А это означало бы ни болѣе, ни менѣе, какъ *банкротство всего капиталистическаго общества*» (Каутскій)».

И такъ, Россія, какъ выступившая на путь капиталистическаго развитія послѣ всѣхъ европейскихъ государствъ, можетъ разсчитывать лишь на такіе внѣшніе рынки, гдѣ она не найдетъ ничего, кромѣ лихорадокъ да колотушекъ. И это предсказаніе выполняется нами буквально: только лихорадками да колотушками мы и пользуемся въ безлюдныхъ степяхъ Средней Азіи. А безъ внѣшнихъ рынковъ капитализмъ «банкротъ», и потому русскій капитализмъ оказался несостоятельнымъ въ самый моментъ своего зарожденія. Таковъ прямой смыслъ словъ Каутскаго, и придъ-ли можно обнаружить какое-либо разногласіе этихъ словъ съ тѣмъ, что говоритъ г. Н.—онъ и другіе русскіе экономисты.

Изъ приведенныхъ выдержекъ читатель можетъ усмотрѣть, что положенія, примѣняемыя русскими экономистами для освѣщенія нашей дѣйствительности, составляютъ азбуку экономической науки, неизвѣстную развѣ только грозному судьѣ бѣдной русской мысли и той группѣ читателей, на легковѣріе которой онъ разсчитываетъ. Послѣ ближайшаго же разсмотрѣнія «сравнительно-историческаго пріема», употребленнаго г. Бельтовымъ для оцѣнки воззрѣній русскихъ экономистовъ, читатель, надѣюсь, согласится, что этотъ пріемъ доставляетъ лишнее доказательство въ пользу истинности этихъ воззрѣній. Что современные русскіе и старые нѣмецкіе писатели одинаково объясняютъ окружающія ихъ явленія экономической дѣйствительности—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что и тѣ, и другіе примѣняютъ въ данномъ случаѣ объясненіе, даваемое наукой. Что же касается сходства между ними въ отношеніи предсказанія послѣдующаго хода событій—ошибка, сдѣланная нѣмецкими писателями ничего не говоритъ противъ аналогичныхъ предсказаній

русскихъ писателей. «События поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ, исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ» (Марксъ). А чего же больше различія, существующаго въ отношеніи международной обстановки промышленности между нынѣшнимъ временемъ и тѣмъ, что было 50 лѣтъ назадъ. Благодаря этому рѣзкому различію «исторической среды», явленія (разрушеніе мелкихъ промысловъ, господство кулака и т. п.), давшія Германіи капиталистическую организацію промышленности, въ Россіи *должны* привести «къ результатамъ, совершенно несходнымъ». Мы сказали *должны*, а не *могутъ*, потому что, признавая причинную связь въ предѣлахъ каждой изъ двухъ цѣлей явленій и видя, какъ рѣзко одна изъ этихъ цѣлей отличается отъ другой по составу производящихъ причинъ, мы обязаны заключить и о различіи ожидаемыхъ слѣдствій. Въ виду сказаннаго, благопріятный исходъ капиталистической эволюціи промышленности въ Германіи не только не говоритъ въ пользу естественности такого же результата развитія капитализма въ Россіи, но заставляетъ ожидать для нея чего-то, совершенно противоположнаго. Думать иначе, значило бы не признавать положенія о томъ, что историческое теченіе жизни обусловливается той или иной комбинаціей производящихъ факторовъ, и предполагать, что исторія осуществляетъ провиденціальное предназначеніе или реализируетъ «законъ» въ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово метафизики. Въ дѣлѣ предсказанія судьбы капитализма въ Россіи наши писатели «утописты» на столько держатся реальной почвы, что намѣтили тѣ внутреннія условія, наличность которыхъ—за отсутствіемъ внѣшнихъ потребителей продуктовъ русской капиталистической промышленности—можетъ дать послѣдней нужный для нея внутренній рынокъ. Это случится при широкомъ распространеніи классовъ потребляющихъ, но не производящихъ матеріальныхъ цѣнностей: войска, бюрократіи и духовенства, при взятіи на счетъ капитала содержанія всѣхъ пауперовъ и т. п. Если русскій капитализмъ съумѣетъ добиться осуществленія этихъ условій въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это требуется для его процвѣтанія въ стомилліонной странѣ,—онъ парализуетъ вліяніе неблагопріятной для него комбинаціи международной промышленной обстановки, и ему останется только борьба съ внутренними препятствіями для его развитія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что въ указанномъ случаѣ побѣда ему обезпечена и что страна можетъ тогда благополучно шествовать подъ его руководствомъ по пути прогрессивнаго развитія. Ибо остается подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ о томъ, мыслимо-ли, чтобы—при осуществленіи вышеука-

данныхъ условій, обезпечивающихъ капитализму широкій внутренній рынокъ,—страна могла успѣшно подвигаться по пути просвѣщенія и связанныхъ съ нимъ успѣховъ общественной жизни, а безъ широкихъ начинаній на этомъ поприщѣ (вправѣ-ли возможно развитіе капитализма въ его новѣйшихъ формахъ.

И такъ, если, проповѣдуя извѣстную экономическую программу, русскіе «утописты» стоятъ на почвѣ рационально истолкованныхъ фактическихъ отношеній, то спрашивается, что въ ихъ воззрѣніяхъ утопическаго, и гдѣ же лежитъ грань между утопизмомъ, практицизмомъ и соціологизмомъ?

Раціональный отвѣтъ на этотъ вопросъ вы такъ же мало можете надѣяться получить отъ г. Б., какъ и разъясненіе по множеству другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ распущенностью мысли этого писателя. Дѣло въ томъ, что терминъ «утопія» употребляется г. Б. не въ его общепринятомъ смыслѣ обозначенія чего-то несбыточнаго, не соотвѣтствующаго дѣйствительности. Въ устахъ г. Б. это слово играетъ роль жупела, назначеніе котораго—вызвать отвращеніе и благоговѣйный трепетъ въ сердцахъ правовѣрныхъ поклонниковъ россійскаго «марксизма». Поэтому, онъ съ одинаковымъ успѣхомъ, за истощеніемъ другихъ аргументовъ, прилѣпляется и къ писателямъ, парящимъ высоко въ области чувства и фантазіи, и къ практическимъ дѣятелямъ, не выходящимъ изъ сферы повседневныхъ нуждъ и выработанныхъ практикою способовъ ихъ удовлетворенія. Утопистъ Фурье и утопистъ Шульце-Деличъ! Утопистъ Р. Овенъ и утописты члены петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Утописты всѣ тѣ, которые пытаются обратить выработанныя культурой средства экономической борьбы на помощь «производителю», а не эксплоататору. Недавно въ Лондонѣ собирался международный съѣздъ дѣятелей коопераціи. Здѣсь были и консерваторы, и радикалы, и соціалъ-демократы. Всѣхъ ихъ объединила одна идея практической работы, на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній, для приложенія начала коопераціи къ нуждамъ того класса, который въ книжкѣ г. Б. фигурируетъ подъ кличкою «производителя». Изъ данныхъ, приведенныхъ на съѣздѣ, выяснилось, что кооперативныя предпріятія разнаго рода считаются уже десятками тысячъ, а число ихъ членовъ—милліонами. И вотъ всѣ эти милліоны рабочихъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, мастеровъ, профессоровъ и т. д. никто иные, какъ «утописты», а основанныя ими тысячи кредитныхъ, потребительныхъ, складочныхъ, производительныхъ предпріятій—повтореніе утопій Томаса Мора,—потому что, видите-ли, все это дѣйствуетъ и существуетъ вопреки идеологіи г. Б.

Курьезнѣе всего то, что самъ г. Б. не только не отрицаетъ общественнаго значенія дѣятельности на почвѣ коопераціи, но считаетъ ее весьма полезной. «Всѣ эти базары для продажи кустарныхъ издѣлій и попытки созданія производительныхъ ассоціацій... содѣйствовали пробужденію самосознанія производителей и тѣмъ принесли имъ *большую пользу*. Такую же пользу... принесла просвѣтительная дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи: школы, народныя читальни и т. д. Вредныя для нѣмецкаго народа послѣдствія капиталистическаго развитія могли быть въ каждое данное время ослабляемы или устраняемы лишь въ такой мѣрѣ, въ какой развивалось самосознаніе нѣмецкихъ производителей. Марксъ понималъ это лучше утопистовъ, и потому его дѣятельность оказалась *болѣе* полезной для нѣмецкаго народа» (стр. 278).

И такъ, Марксъ, просвѣщающая народъ интеллигенція, устроители кустарныхъ складовъ и артелей разными путями идутъ къ одной цѣли: развитію самосознанія производителей. Теперь спрашивается: разнообразіе указанныхъ путей является-ли результатомъ только невѣжества, глупости, словомъ, «утопизма» лицъ, избравшихъ путь воздѣйствія на производителей, отличный отъ марксова, или въ основѣ его лежитъ, во-1-хъ, естественное разнообразіе и дѣятелей, и лицъ, подвергающихся воздѣйствію, въ отношеніи способности къ тому или другому роду дѣятельности, чувствительности къ тому или иному роду вліянія (слову, факту); во-2-хъ, естественное разнообразіе условій, дѣлающихъ болѣе удобнымъ и полезнымъ въ одномъ случаѣ вліяніе путемъ проповѣди, въ другомъ—устройствомъ артели, въ третьемъ—хорошей книжкой и т. д. Если, напр., нѣмецкая интеллигенція устраивала школы и народныя чтенія, а послѣдователи Шульце-Делича—промышленныя товарищества, то слѣдуетъ-ли отсюда, что и тѣ, и другіе могли бы быть одинаково прекрасными дѣятелями и въ той области, которая избрана Марксомъ? А если такое заключеніе несправедливо; если есть цѣлая масса лицъ, которыя или будутъ работать на поприщѣ просвѣтительной дѣятельности и устройства артелей, или станутъ пребывать въ бездѣйствіи, то можно-ли ихъ третировать en canaille за то, что природа не надѣлила ихъ особенностями М.? Затѣмъ, если вамъ сдѣлается извѣстнымъ, что кто-либо, весьма успѣшно дѣйствующій на поприщѣ просвѣщенія народа, считаетъ, что именно въ возможно широкомъ просвѣщеніи, а не въ пропагандѣ какой-либо партійной программы лежитъ залогъ лучшаго будущаго его народа; если такое его убѣжденіе—съ вашей точки зрѣнія, одностороннее и, пожалуй, утопическое—поддерживаетъ его энергію въ открытіи новыхъ школъ, распространеніи книгъ и т. п., то, спрашивается, сдѣлаете-ли вы своей

задачей разубѣжденіе его въ этомъ мнѣніи: потратите-ли на это понапрасну безцѣльное словопреніе силы, нужныя для цѣлесообразной работы, и рискнете-ли ввести раздоръ и безъ того въ небольшую группу работающихъ на полѣ развитія самосознанія народа, представляя такихъ лицъ глупыми, невѣждами, утопистами, отдѣляя ихъ, какъ непримиримыхъ враговъ, отъ лицъ, преслѣдующихъ ту же цѣль путемъ, напр., устройства артелей? Затѣмъ, можно-ли три вышеуказанныя формы воздѣйствія на сознаніе производителей классифицировать лишь по степени приносимой ими пользы и желать, чтобы всѣ дѣятели сосредоточили свои силы на одномъ поприщѣ и бросили, напр., заботы о народномъ образованіи и о соединеніи разрозненныхъ производителей въ союзы для взаимопомощи разнаго рода, гдѣ они пріучаются къ самодѣятельности, научаются солидарности, начинаютъ впервые чувствовать себя чѣмъ-то, а не ничѣмъ? Не существуетъ-ли между этими родами дѣятельности, въ отношеніи развитія самосознанія, не только количественное, но и качественное различіе, въ силу чего представляется желательнымъ, чтобы дѣйствующія силы распредѣлялись между ними, а не сосредоточились на одномъ пунктѣ? Не поведетъ-ли, наконецъ, это раздѣленіе труда къ увеличенію числа работающихъ, такъ какъ, чѣмъ больше имѣется областей для дѣятельности, тѣмъ возможнѣе для каждаго найти примѣненіе его силъ и способностей?

Перенесите всѣ эти вопросы на русскую почву, подумайте немного о ничтожномъ числѣ дѣятелей у насъ на пользу просвѣщенія народа и, въ частности, дѣятелей на почвѣ коопераціи; припомните препятствія, ожидающія человѣка, избирающаго путь непосредственнаго воздѣйствія на сознаніе производителей; примите во вниманіе полную разобщенность кустарей на почвѣ какого-либо общаго интереса, въ виду которой соединеніе ихъ хотя бы для пустого дѣла имѣло бы важное воспитательное вліяніе; возьмите все это въ разсчетъ и скажите, кто,—кромѣ праздно болтающаго и лишеннаго малѣйшаго чувства общественнаго такта и интереса,—обрушится всѣми доступными ему громами на направленіе, программа котораго обнимаетъ всѣ пути просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ, обрушится потому, что въ *идеологіи* лицъ этого направленія фигурируютъ пункты, несогласные съ тѣми или другими воззрѣніями. Не докажетъ-ли своими нападеніями этотъ строгій блюститель казарменнаго однообразія въ теоретическихъ воззрѣніяхъ свое непониманіе и природы человѣческаго разума, и значенія обращающихся въ обществѣ соціологическихъ теорій, и роли индивидуальной идеологіи въ процессѣ общественнаго развитія? Не докажетъ-ли онъ имѣетъ съ

тѣмъ и своего равнодушія къ дѣлу развитія самосознанія производителей, третируя и чуть не пеньмя дѣятелей на этомъ поприщѣ за то, что они молятся не въ одной съ нимъ киркѣ?

Такое именно положеніе занялъ по отношенію къ народникамъ г. Б. И такъ какъ имѣетъ съ тѣмъ онъ принимаетъ или, по крайней мѣрѣ, допускаетъ главнѣйшіе пункты ихъ программы, находя, что одни изъ нихъ прямо или косвенно способствуютъ развитію самосознанія производителя, а другіе могутъ нѣсколько замедлить процессъ его экспропріаціи, то вся его филиппика свидѣтельствуетъ о томъ, что, во-первыхъ, во всемъ этомъ дѣлѣ важнѣйшее для него значеніе имѣетъ не общественно-политическая или соціологическая, а идеологическая сторона, т.-е. что его матеріалистическая внѣшность покрываетъ неисправимаго идеалиста; во-вторыхъ, что этотъ идеалистъ по складу ума весьма далекъ отъ того, чтобы питать возвышенныя идеальныя чувства; въ силу этого онъ не нашелъ въ своемъ сознаніи ничего, чтобы удержало его пререканія съ противниками въ предѣлахъ теоретическаго разногласія и заставило положить рѣзкую грань между ихъ идеологіей и практической программой, частью принимаемой имъ самимъ; отъ этого и его нападеніе на противниковъ съ общественно-практической стороны представляется дѣломъ безпринципнымъ и для Россіи крайне вреднымъ. Цѣльности идеологическаго построенія онъ принесъ въ жертву практическіе интересы того самаго производителя, имя котораго онъ такъ часто произноситъ всуе.

IX.

Безпринципность г. Бельтова проявляется не только въ нападеніи на направленіе, которое дало ему практическую программу, но отъ котораго онъ открестился новой идеологіей, не большую привязанность къ принципамъ обнаруживаетъ онъ и въ положительной части своей идеологіи. Посмотрите, напр., какъ наставляетъ онъ русскаго интеллигента—лишеннаго какой-либо принципіальной опоры въ жизни и обреченнаго добывать принципы исключительно дѣятельностью чувства и работой сознанія — въ вопросѣ объ идеалахъ.

Критеріемъ идеала должно быть не «нравственное чувство» въ совокупности съ какими-либо общими положеніями въ родѣ, напр., «правъ личности», а экономическая дѣйствительность, поучаетъ г. Б. «Нравственный критерій идеала оказывается неудовлетворительнымъ не потому что нравственныя чувства людей заслуживаютъ пренебреженія, а потому, что эти чувства не ука-

зываетъ правильнаго *пути* въ дѣлѣ служенія интересамъ нашихъ ближнихъ. Врачу *недостаточно* сочувствовать положенію своего больного: ему надо считаться съ физической дѣйствительностью организма, опираться на нее въ борьбѣ съ нею же. Если бы врачъ вздумалъ *довольствоваться* нравственнымъ негодованіемъ противъ болѣзни, то онъ заслуживалъ бы самой злѣйшей насмѣшки» (с. 248—9).

Разберемъ логически эту тираду, обративъ прежде всего вниманіе на подчеркнутыя нами слова. Нравственное чувство не указываетъ *пути* служенія ближнимъ—это вѣрно. Но развѣ назначеніе идеала—указать *путь*, а не *цѣль*? Врачу *недостаточно* сочувствовать больному,—и это вѣрно. Но значитъ-ли это, что сочувствіе врача больному, какъ человѣку, и сознаніе *обязанности* помогать ему, какъ имѣющему извѣстныя «права личности», не составляетъ *необходимаго условія* дѣятельности врача, и что послѣдній случайно встрѣченнаго имъ больного и безпомощнаго человѣка, вмѣсто назначенія лѣкарства, можетъ такъ же спокойно пристрѣлить во избавленіе отъ страданій, какъ пристрѣливаютъ иногда больную лошадь или собаку? Затѣмъ, примѣненіе нравственнаго критерія и отвлеченнаго принципа къ постановкѣ *цѣли* дѣятельности устраняетъ-ли необходимость опираться на дѣйствительность при достиженіи этой цѣли? Даже больше того—при отсутствіи нравственнаго критерія и общихъ принциповъ, при руководствѣ исключительно физической, экономической и всякой другой дѣйствительностью—можно-ли разумно *избрать* (а не стихійно подчиниться) не говорю правильный, а хотя бы какой-нибудь путь дѣятельности?

«Критеріемъ идеала служитъ экономическая дѣйствительность»; но вѣдь «во всякой дѣйствительности существуютъ противоположные элементы»; что-же заставитъ васъ примкнуть къ тому, а не другому изъ нихъ? Г. Б. предлагаетъ опираться на тотъ элементъ, въ которомъ зрѣетъ будущее. Почему такъ, почему не поддерживать настоящее? И затѣмъ, критерій будущаго открытъ только для «матеріалистовъ - діалектиковъ», потому что ихъ *теорія* во всякой дѣйствительности позволяетъ предполагать не только господствующее настоящее, но и то, въ чемъ зрѣетъ будущее. А какъ быть съ прочими смертными, неимѣющими «готоваго шаблона для выкраиванія историческихъ фактовъ»; какъ быть въ случаѣ, когда дѣйствительность представляетъ борьбу силъ, исходъ которой неизвѣстенъ?

Г. Б. отвѣтитъ, что все сказанное подтверждаетъ только выгоду быть діалектическимъ матеріалистомъ, потому что лишь поступая въ это званіе, человѣкъ пріобрѣтаетъ прочный кри-

терій для своихъ идеальныхъ построеній, возможность ставить передъ собой «совершенно, исключительно идеалистическую задачу». Посмотримъ же, каковы, при различныхъ отношеніяхъ дѣйствительности, эти «исключительно идеалистическія» задачи діалектиковъ-матеріалистовъ; не приводитъ-ли иногда выставленный г. Б. критерій къ возведенію въ идеалъ господства Колупаевыхъ и Разуваевыхъ?

«Во всякой экономической дѣйствительности,—учитъ г. Б.,—существуютъ противоположные элементы, и помириться съ дѣйствительностью значило бы помириться лишь съ однимъ изъ ея элементовъ, съ тѣмъ, который господствуетъ въ данное время. Матеріалисты-діалектики указываютъ на другой враждебный этому элементъ дѣйствительности, на тотъ, въ которомъ зрѣетъ будущее. Мы спрашиваемъ, опираться на этотъ элементъ, братъ его критеріемъ своихъ идеаловъ, значитъ-ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Разуваемымъ» (248).

30—40 лѣтъ тому назадъ въ Россіи приступлено было къ освобожденію крестьянъ. По общему понятію ученыхъ того времени и по представленію современныхъ россійскихъ «марксистовъ» освобожденіе крестьянъ должно было послужить исходной точкой широкаго развитія капитализма, имѣющаго замѣстить мелкое земледѣльческое и кустарное производство Россіи, господствовавшее въ дореформенную эпоху. Это значитъ, что тотъ элементъ, въ которомъ въ 50-хъ гг. «зрѣло будущее», представлялся немногими фабрикантами, торговцами, Колупаевыми, Разуваемыми и тому подобными. Когда возникъ вопросъ о томъ, въ какія формы должно вылиться освобожденіе крѣпостныхъ, у насъ началась борьба двухъ критеріевъ идеала: нравственно-идейнаго и практически-экономическаго. Одни говорили, что если за освобожденіемъ крестьянъ и послѣдуетъ развитіе капитализма, это никоимъ образомъ не должно препятствовать тому, чтобы дѣятели освобожденія руководствовались въ своихъ предначертаніяхъ нравственныхъ критеріями и понятіемъ «права» крестьянина, какъ «личности», на полученіе отъ государства обезпеченія въ удовлетвореніи необходимыхъ матеріальныхъ нуждъ. Средства же для достиженія этой цѣли они нашли въ условіяхъ дѣйствительности—въ господствующей среди русскаго народа формѣ общиннаго владѣнія землею и предлагали надѣлять освобождаемыхъ крестьянъ землей на правѣ общиннаго владѣнія ею. Другой рядъ лицъ стоялъ на точкѣ зрѣнія г. Безтова и утверждалъ, что такъ какъ будущее принадлежитъ капиталистическому производству, то при освобожденіи крестьянъ надлежитъ идти навстрѣчу послѣднему, для чего слѣдуетъ, во-1-хъ, уничтожить общинное владѣніе зем-

лей, во-2-хъ, отвести крестьянамъ возможно меньшіе участки земли, а то оставить ихъ и вовсе безъ надѣла. «Мы спрашиваемъ»— опираться въ данномъ случаѣ на элементъ, въ которомъ зрѣетъ будущее, «брать его критеріемъ своихъ идеаловъ» не «значитъ-ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Разуваемымъ»?

Прошло 35—40 лѣтъ. Въ какомъ же положеніи очутилась Россія, что представляетъ въ настоящее время ея экономическая дѣйствительность, и какой идеалъ диктуетъ она матеріалисту-діалектику: что въ этой дѣйствительности несомнѣнно господствуетъ и что представляетъ изъ себя «зрѣющее будущее»? На этотъ вопросъ дается двоякій отвѣтъ. Народники утверждаютъ, что залогомъ лучшаго будущаго служатъ община и артель: капиталистическое же производство не имѣетъ возможности получить господствующее положеніе въ Россіи. Такимъ образомъ идеалъ, диктуемый ихъ нравственными понятіями, выдерживаетъ и критику отъ дѣйствительности, и потому ихъ экономическая программа, заключающаяся въ требованіи поддержанія развитія самостоятельнаго народнаго производства, основывается одновременно и на отвлеченно-нравственныхъ принципахъ, и на историко-экономическихъ положеніяхъ. Къ чему-же пришли съ своимъ критеріемъ экономической дѣйствительности россійскіе «марксисты»?

Г. Бельтовъ, который похитрѣе, не выставилъ никакой экономической программы и даже возмутился, когда, логически развивая ихъ мысли, нѣкоторые русскіе писатели обвинили россійскихъ «марксистовъ» въ прислуживаніи капитализму. Господинъ же Струве, будучи искреннѣе, не побоялся открыто выставить идеалъ, диктуемый элементомъ, въ которомъ «зрѣетъ будущее». «Мои личныя симпатіи вовсе не на сторонѣ экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству крестьянства (т.-е. не на сторонѣ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ!); но я не могу не видѣть, что политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства, будетъ единственно разумной и прогрессивной политикой, такъ какъ она пойдетъ навстрѣчу *историческимъ неизбѣжному* прогрессу капиталистическаго развитія». «Пойдемъ на выучку къ капитализму» [1]).

«Мы спрашиваемъ, опираться на этотъ элементъ (на крестьянскую буржуазію, въ которой г. Струве видитъ зрѣющее будущее), брать его критеріемъ своихъ идеаловъ—не значитъ-ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Разуваемымъ»?

И такъ, не дѣлая различія между идеалами и путями ихъ достиженія, высмѣивая лицъ, руководствующихся въ построеніи

[1]) «Критическія замѣтки», с. 281 и 288.

первыхъ нравственнымъ чувствомъ и вѣчными истинами правды и справедливости, которыми руководствовались въ подобныхъ случаяхъ всѣ великіе и маленькіе люди, не исключая Маркса и Энгельса, которыми руководствовался бы въ болѣе свѣтлыя времена и самъ г. Б.; скрывая отъ читателя, что опираться на текущую дѣйствительность—экономическую, политическую, культурную и др.—представляется необходимымъ, когда отъ вопроса о содержаніи идеала человѣкъ переходитъ къ вопросу о путяхъ осуществленія послѣдняго; внушая россійской интеллигентной «овцѣ безъ стада» освобожденіе отъ «какихъ-нибудь отвлеченныхъ принциповъ», напр., «правъ личности», и подчиненіе чему-то столь неопредѣленному, какъ экономическая дѣйствительность, толкуемая каждымъ сообразно его субъективному настроенію, опредѣленному, между прочимъ, тѣми же чувствами и общими принципами, которые только-что съ позоромъ выгнаны за дверь,—г. Бельтовъ, въ сущности, даетъ этому интеллигенту carte-blanche въ начертаніи въ свое руководство на жизненномъ поприщѣ такихъ идеаловъ, какіе всего лучше отвѣчаютъ его интимнымъ чувствамъ и стремленіямъ. Если интеллигентъ стремится къ служенію на пользу ближняго — въ современной дѣйствительности онъ признаетъ господствующимъ капиталистическій элементъ, а то, въ чемъ зрѣетъ будущее, увидитъ въ пролетаріатѣ, или въ крестьянствѣ и построитъ себѣ программу, направляющую его силы на пользу этихъ классовъ общества. При преобладаніи же въ немъ эгоистическихъ побужденій, жажды наслажденій и т. п. онъ увидитъ въ современной экономической дѣйствительности господство мелкаго производства, подлежащаго упраздненію капитализмомъ, который поэтому играетъ въ его глазахъ роль элемента, въ коемъ зрѣетъ будущее. Признавъ этотъ печальный фактъ, онъ положитъ его въ основу своего идеала и «съ болью въ сердцѣ» (какъ гг. Бельтовъ и Струве) отдастъ свои силы на служеніе Колупаемымъ и Разуваемымъ.

Долой принципы и да здравствуетъ хотя бы позорная дѣйствительность!—таково поученіе, извлекаемое не особенно нравственно чуткимъ читателемъ изъ книги г. Бельтова.

Проповѣдь безпринципности читатель встрѣтитъ у г. Б. не только въ видѣ упраздненія нравственныхъ понятій при построеніи идеала, т.-е. цѣли, освѣщающей жизненное поприще человѣка. Авторъ остается вѣренъ себѣ и въ случаѣ, когда рѣчь идетъ о формулированіи общихъ положеній соціально-политическаго характера, служащихъ вѣхами на пути къ идеалу, облегчающихъ человѣку возможность разобраться въ сложномъ сплетеніи противорѣчивыхъ фактовъ и тенденцій текущей дѣйствительности.

Не имѣя такихъ промежуточныхъ положеній между идеаломъ и дѣйствительностью, руководствуясь только самой общей формулировкой задачи жизни, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи дать отвѣтъ на вопросъ, какъ, съ точки зрѣнія идеала, надлежитъ оцѣнить данное частное явленіе и какъ отнестись къ нему практически. Поэтому-то, помимо выработки идеала, люди нашли необходимымъ для своего руководства въ сложномъ калейдоскопѣ явленій жизни формулировать еще такія общія идеи, какъ свобода, просвѣщеніе, самоуправленіе. При этомъ ни одинъ человѣкъ, исповѣдывающій въ жизни перечисленныя положенія, не думаетъ, что осуществленіе ихъ во всѣхъ случаяхъ будетъ имѣть только благодѣтельные результаты, и что не найдется лица или группы лицъ, которыя воспользовались бы своей свободой, образованіемъ или участіемъ въ управленіи для преслѣдованія своекорыстныхъ и вредныхъ для общаго или чьего-либо частнаго интереса цѣлей. Но наличность явленій этого рода нисколько не подрываетъ силы вышеприведенныхъ положеній, какъ общихъ формулъ, какъ принциповъ, и можетъ только побудить человѣка стремиться къ устраненію злоупотребленій. Что же касается самыхъ принциповъ, преданные имъ люди заботятся о ихъ укрѣпленіи и для этого прибѣгаютъ, между прочимъ, къ помощи законодательства.

Къ числу такихъ общихъ принциповъ въ глазахъ лицъ, возстающихъ противъ системы наемнаго труда, принадлежитъ принципъ коллективнаго владѣнія орудіями производства, выражающійся въ примѣненіи къ земельной собственности формулой общиннаго владѣнія трудящимися землей, которую они обрабатываютъ. Принципъ этотъ въ данной дѣйствительности можетъ имѣть болѣе или менѣе широкое примѣненіе, можетъ явиться въ извѣстной степени даже искаженнымъ, тѣмъ не менѣе, какъ руководящее начало, онъ остается нерушимымъ, какъ нерушимы остаются начала самоуправленія и просвѣщенія, не смотря на то, что въ практическомъ ихъ примѣненіи сплошь и рядомъ встрѣчаются вредныя и нелѣпыя вещи. Теперь посмотрите, во что обратилось это начало въ рукахъ человѣка, мыслящаго путемъ діалектическихъ противорѣчій.

Какъ извѣстно, цѣлый рядъ русскихъ просвѣщенныхъ людей считаетъ господствующую среди великорусскаго племени и широко распространенную среди многихъ другихъ населяющихъ наше отечество племенъ форму общиннаго владѣнія землей за такое унаслѣдованное нами отъ прошлаго начало, которое заслуживаетъ всяческой поддержки и развитія, и которому завидуютъ многіе просвѣщенные же люди Западной Европы. Между

тѣмъ, при составленіи положенія о крестьянахъ, правительство, колебавшееся между двумя противоположными взглядами, въ уваженіе къ отрицательному взгляду на общину, включило въ законъ нѣкоторые пункты, имѣющіе слѣдствіемъ искусственное разрушеніе этой формы владѣнія, невыгодно отражающееся какъ на современныхъ, такъ и еще болѣе, на будущихъ поколѣніяхъ.

Въ виду этого цѣлая масса интеллигентныхъ лицъ считала необходимымъ измѣненіе указанныхъ пунктовъ положенія 19 февраля, при чемъ разныя лица предлагали разныя степени затрудненія перехода общиннаго владѣнія въ подворное. Но чтобы заботы нашей прогрессивной интеллигенціи объ укрѣпленіи общины выродились въ требованіе прикрѣпленія къ землѣ каждаго крестьянина, какъ объ этомъ рѣшительно заявляетъ г. Бельтовъ; чтобы это требованіе высказывалось не отдѣльными лицами (намъ неизвѣстно, предъявлялось-ли оно кѣмъ-нибудь или нѣтъ), а такой группой ихъ, чтобы г. Б. получилъ право обвинить нашу интеллигенцію въ «крайней неразборчивости по отношенію къ средствамъ закрѣпленія общины»,—мы это положительно отрицаемъ и думаемъ, что авторъ выставилъ это обвиненіе просто потому, что у него не нашлось другихъ возраженій противъ общины и что въ немъ сидитъ тотъ «русскій духъ», который «лжетъ за двадцать двухъ».

Указанное обвиненіе русской интеллигенціи высказано г. Б. при разсмотрѣніи одного явленія общинной жизни, наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы,—обложенія налогомъ лицъ, бросившихъ землю и получающихъ доходы работой на сторонѣ. Автору, повидимому, совершенно неизвѣстенъ тотъ фактъ, что въ основѣ этого, такъ называемаго гулящаго оброка, лежитъ обложеніе земли непосильными платежами и отсутствіе у крестьянъ права отказаться отъ излишняго по ихъ соображеніямъ надѣла. Но, конечно, этотъ видъ обложенія отсутствующихъ членовъ общины можетъ продолжать существовать и съ исчезновеніемъ оправдывавшихъ его экономическихъ обстоятельствъ, и въ этомъ случаѣ это будетъ злоупотребленіе общества предоставленнымъ ему правомъ обложенія. Но дѣлать изъ этого факта какой-либо другой выводъ, кромѣ вывода о необходимости стремиться къ уничтоженію этого злоупотребленія; низводить начало коллективнаго владѣнія землей съ высоты принципа, служащаго для общаго руководства при оцѣнкѣ явленій русской дѣйствительности, допустимо въ такой же мѣрѣ, въ какой,—въ виду факта подлѣлки грамотными людьми фальшивыхъ паспортовъ,—позволительно протестовать противъ просвѣщенія, какъ одного изъ руководящихъ началъ, а изъ широко рас-

пространнаго въ сѣверо-американской республикѣ подкупа избирателей и расхищенія общественнаго сундука выводитъ заключеніе о нерациональности занесенія въ число руководящихъ общественно-политическихъ принциповъ «самоуправленіе» народа.

Теперь спрашивается, не рекомендаціей-ли упраздненія этихъ положеній будетъ обращеніе къ русскому читателю съ такими рѣчами?

Какъ же бороться съ капиталистической прозой? «У васъ одинъ отвѣтъ: закрѣпить общину (распространить народное образованіе, дать широкій просторъ мѣстному самоуправленію В. В.). А мы отвѣчаемъ вамъ, что это отвѣтъ, достойный лишь утопистовъ. Почему? Потому что это—отвлеченный отвѣтъ (т.-е. что имъ указываются руководящіе принципы?). По нашему община (и просвѣщеніе, и самоуправленіе?) хороша всегда и вездѣ, а по-нашему отвлеченной истины (т.-е. руководящаго принципа?) нѣтъ, истина всегда конкретна, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста». И такъ, руководствоваться такими «отвлеченными» принципами, какъ община, просвѣщеніе, самоуправленіе, достойно только «утопистовъ» (конечно, въ ругательномъ, лишь россійскимъ «марксистамъ» понятномъ смыслѣ слова), потому что общаго принципа нѣтъ, настоящая истина конкретна. Она должна допустить возможность защиты въ однихъ случаяхъ — образованія (напр., для дѣтей привилегированаго меньшинства), въ другихъ—невѣжества (для дѣтей классовъ непривиллегированныхъ или евреевъ); въ однихъ—полное самоуправленіе (напр., для дворянства), въ другихъ—половинное или четвертное (напр., для инородцевъ, или крестьянъ), въ третьихъ — внѣшнюю опеку. «Все зависитъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени», а судьей этихъ обстоятельствъ, по упраздненіи принциповъ, остается... что или кто остается?.. Личныя вожделѣнія и воля сильнаго!

Не это-ли говоритъ г. Бельтовъ на стр. 263 своего труда и подумалъ-ли этотъ поборникъ «исключительно идеалистическихъ задачъ», какого рода идеалисты порадуются его рѣчамъ въ наши дни?

X.

На этомъ мы закончимъ бесѣду съ читателемъ о книгѣ г. Б., хотя далеко не исчерпали предмета. Мы, напр., ничего не говорили о томъ, какъ нашъ «марксистъ» поставилъ вверхъ головой формулу о зависимости между экономіей и психологіей общества, высказанную основателями экономическаго матеріализма [1]; не

[1]) «Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе (т.-е. форму ихъ общественнаго существованія), а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ

коснулись и вопроса о субъективизмѣ въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ, для выясненія котораго книжка г. Б. даетъ обильный матеріалъ, и т. д. И безъ того мы заняли вниманіе читателя г. Бельтовымъ, быть можетъ, больше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, читатель, надѣюсь, повѣритъ если мы скажемъ, что близкое общеніе съ идеями г. Б., на которое мы были обречены взятой на себя задачей, не доставило намъ особеннаго удовольствія. Причина этого лежитъ въ характерѣ литературной личности названнаго писателя, насколько она выясняется въ его произведеніяхъ, и томъ употребленіи, какое онъ дѣлаетъ изъ своего пера. Мы не можемъ требовать, чтобы писатель всегда находился на высотѣ своего призванія и не давалъ минутами воли личному чувству, подъ вліяніемъ котораго онъ можетъ иногда совершить и не совсѣмъ корректный поступокъ. Но мы положительно не привыкли къ тому, чтобы литературное произведеніе, маломальски претендующее на вниманіе порядочной части общества, представляло такой разгулъ самомнѣнія писателя, такую распущенность мысли и слова, такое безцеремонное обращеніе съ мнѣніями противниковъ и такое радостно-торжествующее презрѣніе къ русской литературѣ и скрытое къ русскому читателю, какимъ отличается разбираемый нами трудъ г. Бельтова. У насъ есть писатели, прославившіеся на подобномъ же пути; но за то ни они сами не претендуютъ на титулъ борцовъ за идею, ни другіе не считаютъ ихъ представителями литературы, какъ руководительницы общественнаго мнѣнія. Но когда вышеописаннымъ способомъ обращается съ печатнымъ словомъ человѣкъ, торжественно провозглашающій, что онъ несетъ бѣдной русской мысли якорь спасенія; когда онъ принимаетъ при этомъ всѣ дозволимыя и недозволимыя средства къ тому, чтобы сплести свое имя съ именами людей, вызывающихъ восторженное поклоненіе со стороны алчущихъ и жаждущихъ какъ тѣлесной, такъ и духовной пищи, и въ этомъ сплетеніи даже почерпаетъ новую рѣшимость для своихъ литературныхъ подвиговъ, то въ насъ невольно возбуждается чувство отвращенія, отягчаемое сознаніемъ глубокаго упадка достоинства русской интеллигенціи, къ которой можно безнаказанно обращаться съ такимъ словомъ, съ какимъ обращается къ ней г. Бельтовъ.

Характеръ литературной физіономіи г. Бельтова довольно хорошо обрисовывается заключительными словами его книжки. «А теперь, до свиданія, гг. наши противники. Мы заранѣе предвку-

---

ихъ сознаніе» (Марксъ). «Медленная психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи» (Бельтовъ, с. 176).

шаемъ все то величайшее удовольствіе, которое доставятъ намъ ваши возраженія» (с. 278).

Еслибы г. Бельтовъ признавалъ, что его противники въ состояніи хотя нѣсколько защититься отъ его нападеній, то онъ воздержался бы отъ заявленія объ ожидающемъ его удовольствіи читать ихъ возраженія. Если же онъ дѣлаетъ публично такое признаніе, значитъ, онъ не допускаетъ и мысли о томъ, что среди русскихъ писателей могутъ найтись лица, способныя говорить съ нимъ на равной ногѣ: онъ считаетъ себя въ русской литературѣ могучимъ Самсономъ, навѣки погребающимъ дѣйствующихъ руководителей общественнаго мнѣнія подъ развалинами смяху разрушенныхъ имъ сооруженій, которыя они воздвигали въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Но развѣ Самсонъ или какой-либо другой представитель дѣйствительной силы способенъ проявлять такое тщеславіе, чтобы трубить о побѣдѣ, не зная даже, будетъ-ли сраженіе? И развѣ человѣкъ, хотя бы съ большимъ самомнѣніемъ, но и немалымъ умомъ, не воздержался бы отъ преждевременнаго провозглашенія объ ожидаемой побѣдѣ, еслибы даже его и подмывало отпраздновать послѣднюю его непомѣрное тщеславіе? Г. Б. не только провозглашаетъ о своей *побѣдѣ*, но и *радостно* торжествуетъ по этому случаю. Спрашивается, однако, есть-ли здѣсь основаніе для возбужденія радостнаго чувства въ бойцѣ-*гражданинѣ*, а не въ человѣкѣ, относящемся къ *борьбѣ*, какъ относится къ ней участникъ въ масляничныхъ побоищахъ, устраиваемыхъ въ городскихъ захолустьяхъ на потѣху ожирѣвшаго купечества?

Г. Б. торжествуетъ побѣду не надъ двумя-тремя лицами, которымъ онъ отдалъ честь своимъ вниманіемъ, а надъ цѣлымъ литературнымъ поколѣніемъ, выражавшимъ дѣйствительные успѣхи русской общественной мысли своего времени. Принимая же во вниманіе что повергнутое однимъ ударомъ г. Б. долу поколѣніе получало воспитаніе при необыкновенно благопріятныхъ условіяхъ, подъ живительнымъ дѣйствіемъ возбуждающаго вліянія эпохи реформъ и новыхъ вѣяній съ Запада, и что смѣнившее его поколѣніе развивалось при совершенно противоположныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ внутренняго происхожденія: принимая это во вниманіе, слѣдуетъ считать весьма вѣроятнымъ предположеніе, что выступающее на поле дѣйствительной жизни поколѣніе окажется интеллектуально на столько же по, крайней мѣрѣ, ниже ему предшествующаго, на сколько это послѣднее уступало дѣятелямъ 60-хъ годовъ. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что во всѣхъ отрасляхъ интеллектуальной дѣятельности старые дѣятели не нахо-

дятъ равноцѣнныхъ замѣстителей. Вы встрѣтите это и въ изящныхъ искусствахъ, и въ наукѣ, и въ публицистикѣ, и въ сферѣ такъ называемыхъ свободныхъ профессій. Подтвержденіемъ сказаннаго служитъ и тотъ фактъ, что новое направленіе, представителемъ котораго выступилъ г. Б., существуя въ Россіи больше 10 лѣтъ, только къ послѣднему году скопило на столько интеллектуальной силы, чтобы рѣшиться объявиться въ литературѣ. А если это такъ, то можно-ли радоваться тому обстоятельству, что сгоняемое г. Б. со сцены поколѣніе въ интеллектуальномъ отношеніи оказалось ниже всякой критики, что оно вдохновляется еще идеями, пережитыми Германіей въ 40-хъ годахъ, что, по своему умственному убожеству, оно оказалось, напр., неспособнымъ понять писателя, сдѣлавшагося однимъ изъ любимѣйшихъ его авторовъ, что оно напоминаетъ «готтентота», разсуждающаго о наукѣ, и т. д.? Вѣдь если на русской почвѣ, при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ для умственнаго развитія, выросли готтентоты цивилизаціи, то что ожидаетъ Россію, когда въ силу другихъ условій развитія мѣсто готтентотовъ займутъ жители Огненной земли? Кто можетъ радостно торжествовать, а не скорбѣть по случаю открытія готтентотизма русской интеллигенціи, кромѣ человѣка, для котораго борьба есть прежде всего средство показать свою удаль, который до того ослѣпленъ подвигами собственной персоны, что подъ обломками разрушаемыхъ зданій не замѣчаетъ трясины, которую идущіе за нимъ не могутъ ни обойти, ни запостить и по которой должны слѣдовать, потопая въ грязи невѣжества и легкомыслія.

Но что для г. Бельтова русскіе писатели! Этотъ борецъ за интересы «производителя», ради остраго словца, не останавливается предъ глумленіемъ надъ отцами своихъ собственныхъ учителей, великими «утопистами» начала нынѣшняго столѣтія, виновными лишь въ томъ, что они не родились пятидесятью годами позже. Утописты,—остритъ г. Бельтовъ,—воображали себя чрезвычайно практичными людьми и строили, казалось имъ, чрезвычайно практичные планы. «Изъ старыхъ утопистовъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Фурье. *Онъ, какъ юношескій Костанжогло, старался всякую дрянь употребить въ дѣло*». Такъ почтительно поминаетъ россійскій марксистъ, безъ роду-безъ племени—своего духовнаго предка. А вотъ какъ высказываются по тому же вопросу названные учителя (?) этого «марксиста». «Утопическая сторона соціалистическихъ теорій теперь уже всецѣло отошла въ область исторіи, и мы не будемъ останавливаться на ней ни минуты долѣе, предоставивъ *литературнымъ мальчикамъ* самодовольно перетряхивать эти смѣшныя фантазіи и любоваться

трезвостью своего образа мыслей по сравненію съ подобнымъ «сумасбродствомъ» (Энгельсъ).

Этой характеристикой г. Б. мы закончимъ свою статью. Но при этомъ считаемъ умѣстнымъ прибавить, что появленіе трудовъ, подобныхъ книгамъ гг. Бельтова и Струве, мы считаемъ весьма желательнымъ. Только при открытомъ распространеніи какой-либо системы идей, возможна цѣлесообразная борьба съ ложными ея сторонами и усвоеніе того, что есть въ ней истиннаго. Желательно, поэтому, чтобы на путь научной разработки основной идеи экономическаго матеріализма выступило возможно большее число лицъ, и чтобы русскій читатель познакомился изъ первыхъ рукъ съ представителями этой идеи на Западѣ.

В. В.